

Л. ФИШЕР

Жизнь Ленина

<Фрагмент>

21

Вудро Вильсон и Россия

В течение десятилетий в СССР нельзя было достать честной и достаточно полной истории гражданской войны. Подвергались цензуре и запрету книги, статьи, пьесы и романы, не изображавшие Сталина творцом побед, а Троцкого — коварным предателем, замышлявшим поражение революции. После XXI съезда КПСС в октябре 1961 года, на котором было решено убрать мумию Сталина из мавзолея на Красной площади¹, официально зашла речь и об искажениях истории, которые многие годы проводились по указе Кремля. «В освещении истории Октябрьской революции, гражданской войны, строительства социализма допускались серьезные ошибки, — писал член президиума ЦК Михаил Суслов², сам несший ответственность в этом отношении как один из главных идеологов партии. — В работах по истории гражданской войны, например, вопреки фактам одни фронты выдвигались на первый план, значение других принижалось в зависимости от того, где в тот или иной момент находился Сталин, почти все победы на фронтах гражданской войны рассматривались прежде всего как результат деятельности Сталина... Приходится говорить об этом потому, что такая неправильная интерпретация фактов содержится и в «Кратком курсе»^{*}, она проник-

---

* История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). 1-е изд. М., 1938. Как сказал в своей секретной речи на XX съезде Н. С. Хрущев, Сталин сам редактировал «Краткий курс» и был автором отдельных его частей.

ла и в литературу, и в школьные учебники. А в биографии Сталина было прямо сказано, что непосредственным организатором и вдохновителем важнейших побед Красной Армии был Сталин, что он был творцом важнейших стратегических планов. Роль Ленина и партии в руководстве обороной страны принижалась»*.

И. Смирнов, другой сотрудник журнала «Коммунист», писал в том же номере: «А поскольку от исследователей не всегда требовался объективный анализ исторических фактов, среди части (читай: всех. — Л. Ф.) историков советского общества и историков партии распространялось нигилистическое отношение к источникам, скептическое отношение к работе над архивными фондами... В период культа личности необоснованным репрессиям (т.е. казни, пожизненному заключению, ссылке. — Л. Ф.) подверглись многие ни в чем не повинные люди, среди которых были и виднейшие и талантливые деятели партии и Советского государства; имена этих людей бесцеремонно вычеркивались из работ по истории». Важнейшим из таких выпущенных имен было имя Троцкого. О нем упоминали только для того, чтобы ругать его.

То же «нигилистическое» пренебрежение к истине преобладает и в советских историях интервенции. Прошлое стало игрушкой в руках современной советской внешней политики. В искаженном рассказе об интервенции 1918–1920 г. можно различить мысли, занимавшие Кремль в 1938 или в 1959 годах. Так, «Краткий курс» Сталина, изучение которого стало обязательным для всех коммунистов и для миллионов беспартийных после его выхода в 1938 году, гласит: «Англо-французы высадили войска на севере России, заняли Архангельск и Мурманск». Об американцах, участвовавших в высадке, не упоминается. «Японцы высадили войска во Владивостоке, захватили Приморье, разогнали Советы...»**. Американские

---

* Коммунист. Февраль 1962 г. С. 20–21.

** Об американской интервенции упоминается лишь мимоходом.

интервенты опять не упоминаются. В 1938 году Сталин пытался завоевать расположение США. «Краткий курс», в котором история переделывалась на сталинский лад, был заменен в 1959 году новой историей партии*, в которой переделанная история переписывалась на новейший лад и обогащалась бесчисленными выдумками. В этой книге советский читатель, у которого на полке, наверное, еще стоит экземпляр старого «Краткого курса», прочтет, что «американские, английские и французские империалисты весной 1918 года высадили десант в Мурманске»**. «На Дальнем Востоке и в Сибири американские монополии и само правительство США в огромных масштабах снабжали оружием и боеприпасами российскую контрреволюцию. США являлись не только арсеналом оружия для российской контрреволюции; американские войска вместе с японскими интервентами участвовали в боевых операциях против партизан, подвергали преследованиям и казням мирное население. Интервенты расхищали народное достояние. Они безвозмездно вывозили лес, пушнину, золото, сырье на огромные суммы»***.

Преувеличение роли Америки в Сибири в качестве арсенала контрреволюции, палача и грабителя отражает возросшее соперничество между СССР и США в 1959 и 1960 гг. Прошлое искажалось в угоду настоящему, по методу «социалистического реализма», а планы на будущее преподносились как уже имевший место факт.

Фальсификацией проникнуты и официальные советские истории гражданской войны. Сборнику документов, опубликованному в 1960 году в Москве, предшествует введение, подписанное «Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», в котором сказано: «Приведенные в томе документы неопровержимо доказывают, что ведущую роль

---

* История Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1959.

** Там же. С. 276.

*** История Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1959. С. 279.

в организации войны против Советской республики играли империалисты США...»*.

В этом сборнике приведено 699 документов, одни из которых посвящены чисто внутренним аспектам гражданской войны, другие — иностранной интервенции. В первом документе цитируется речь Ленина в Москве 29 июля 1918 года, в которой он говорит «об участии англо-французских империалистов» в чехословацком восстании, об «империалистах и финансовых дельцах Англии и Франции», о том, что англичане высадили в Мурманске «свыше 10000 солдат», и снова и снова об «англо-французском империализме»**. Но в редакционном примечании к этой речи есть ссылка на «контрреволюционный мятеж в Закаспийской обл., инспирированный англо-американскими империалистами»***, не подкрепленная никакими доказательствами американского участия, потому что таких доказательств нет.

Документ № 12 в том же томе показывает, как далеко заходят советские историки в мундирах в деле фальсификации своей собственной истории. Он содержит текст сообщения советского правительства о высадке японского десанта во Владивостоке. В середине текста многоточием обозначена купюра, содержание которой становится ясным из другого советского сборника документов, опубликованного в 1957 г.**** Выпущенное предложение читается так: «Американское правительство, по-видимому, было против японского вторжения»*****. Оно было опущено, потому что противоречило антиамериканскому тезису Института марксизма-ленинизма.

Документ № 29 в сборнике, составленном этим институтом, — телеграмма Ленина Юрьеву, председателю Мурманского совета, о советской политике, «равно враждебной

---

* Из истории Гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов: в 3 т. Т. 1. Май 1918 — март 1919. С. VI.

** Там же. С. 3–8.

*** Там же. С. 775.

**** Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.

***** Там же. С. 225.

и англичанам и немцам»: «С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»*.

Что американцы участвовали в интервенции на севере и на Дальнем Востоке, не подлежит сомнению. Но они не играли ведущей роли в этих событиях, а наоборот, медлили, оказывали сильное сопротивление идее интервенции, производили давление на почти все союзные правительства и, наконец, с нескрываемым неудовольствием, вынуждены были присоединиться к предприятию, в которое они не верили.

Русский вопрос мучил президента Вильсона³ почти целый год до того, как он санкционировал американскую интервенцию. Трудно сказать точно, когда он на нее согласился, но некоторые сведения по этому допросу имеются. В начале 1918 года президент Американской Федерации Труда Сэмюэль Гомперс⁴ просил Вильсона обратиться с посланием к Учредительному Собранию в Москве. 21 января 1918 года Вильсон ответил: «Ваш совет мне нравится, но, по-видимому, безрассудные большевики уже разогнали Учредительное Собрание, не сумев подчинить его своим интересам. Меня очень огорчает, что в России каждый раз все расстраивается»**. 8 июля 1918 года Вильсон писал полковнику Хаузу⁵: «Меня доводит до кровавого пота вопрос о том, что делать в России, что было бы справедливо и что — возможно. Это дело, как ртуть, ускользает из-под моих пальцев»***.

Говорят, что у Вильсона был односторонний ум. Можно сказать, что у него был ум как бы из одного куска. Он пытался составить аккуратный узор из русской головоломки, но она каждый раз рассыпалась на мелкие кусочки под его пальцами. Он провел всю свою жизнь в демократической стране и изучил процессы демократического правления, которые, несмотря на все мелкие отклонения, вариации

---

* Из истории Гражданской войны в СССР. С. 29.

** Roy Stannard Baker. Woodrow Wilson. Life and Letters. War Leader, April 6, 1917 — February 28, 1918. New York, 1939. Vol. VII. P. 486.

*** Ксерографическая копия оригинала находится в архиве Вудро Вильсона в Принстонском университете.

и взрывы, все-таки не покидали предназначенной широкой колеи. Поэтому он обращался к большевикам в своей речи о 14 пунктах ⁶ в таком тоне, как будто большевизм был каким-то новым видом либеральной демократии. Другой мерки у Вильсона не было. Когда большевики разогнали Учредительное Собрание, он назвал их поступок «безрассудным». На самом деле со стороны Ленина было бы неразумно поступать иначе.

Вильсон был достаточно умен, чтобы на основании этого опыта прийти к заключению, что большевиков он не понимает. Он искал решения, как сам признавал, «до кровавого пота», но не знал, что делать. Поэтому его хорошо организованный ум говорил ему: ничего не следует предпринимать — нельзя выработать политику в положении, которое не поддается пониманию. В 1918 и даже в 1919 году Вильсон не хотел никакой политики по отношению к России. Помимо всего прочего, он был занят тысячей гигантских задач, стоявших перед воюющей, но не привыкшей вести войну нацией. Он был человеком одного фронта и предпочитал сосредоточиться на Западном фронте, от которого зависела победа или поражение Германии.

Однако военные и политические руководители союзных Америке держав, как известно, оказывали могучее давление на Вильсона. Фош, Клемансо, Ллойд-Джордж, Бальфур ⁷ и другие говорили ему, что убеждены в необходимости интервенции с участием Америки. Он был упрям, но стремился к победе и был разумен. Было бы неразумным отстаивать свое мнение, которое, как он знал, основывалось на неспособности проникнуть в суть проблемы, перед лицом опытных людей, твердо настаивавших на решительных действиях.

Кроме того, Вильсон не мог игнорировать закон коалиции и союза. Нельзя было без конца идти наперекор желаниям партнеров по коалиции в этом важном для них вопросе, не подорвав основ самой коалиции. Вильсон знал, что было бы неправильно предпринимать интервенцию в России. Но в конце концов, утомленный настойчивыми требованиями союзников, он махнул рукой.

Советские историки в мундирах, для которых политика всего лишь вопрос классово́й борьбы, империализма, производительных сил и т. д., которые пишут о политике как о точной науке, но, не смущаясь, фальсифицируют документы и факты, скажут, конечно, что психология Вильсона не относится к вопросу. На то они и плохие историки — или, скорее, вообще не историки.

Даже когда Вильсон дал согласие на интервенцию, он пытался свести участие Америки к минимуму. Более того, он пытался умиротворить собственную совесть тем, что выступал против интервенции в тот самый момент, когда предпринимал ее. Циники различат в этом элемент лицемерия и, может быть, будут правы. Вильсон был духовно измучен. Сообщение об американской интервенции в России было подписано исполняющим обязанности государственного секретаря Ф. Л. Полком, но читается оно как вильсонизм чистой воды*. Член Верховного суда США Л. Д. Брандайс, хорошо знавший Вильсона, писал Э. А. Олдермэну, президенту Виргинского университета, 11 мая 1924 года: «О Вильсоне надо судить по тому, чем он был и что делал до 4 августа 1918 года, когда был составлен документ, оправдывавший нападение на Россию. Это был первый из тех его поступков, которые не похожи на него, и, по-моему, начало его печального конца».

Сообщение об интервенции шло наперекор всей личности Вильсона и поэтому способствовало его духовному распаду: «По заключению Правительства Соединенных Штатов, — к которому Правительство пришло после многократного и пристального рассмотрения всей ситуации, военное вмешательство в России скорее усугубило бы нынешнюю при-

---

* Опубликовано 4 авг. 1918 г., это сообщение было написано самим Вильсоном накануне. Профессор Артур С. Линк, директор архива Вудро Вильсона в Принстонском университете, разрешил мне сделать ксерографическую копию этой бумаги, напечатанной на принадлежавшей Вильсону пишущей машинке «Хаммонд», с поправками, сделанными Вильсоном от руки. Первоначально Вильсон составил ее 17 июля 1918 года, как памятную записку, и передал ее членам своего кабинета для замечаний.

скорбную смуту, нежели излечило ее, и скорее повредило бы России, чем помогло ей оправиться от ее невзгод.

«Такое военное вмешательство, какое чаще всего предлагали, даже если бы оно достигло своей прямой цели, а именно нанесения удара Германии с востока, скорее всего оказалось бы видом использования России, а не видом помощи ей. Если бы оно и принесло пользу народу России, то слишком поздно, чтобы избавить его от теперешних отчаянных трудностей, а между тем достояние России использовалось бы для содержания чужестранных армий, а не для восстановления ее собственной армии или для пропитания ее мужчин, женщин и детей. Мы с решительностью и уверенностью прилагаем теперь всю свою энергию к одной цели; эта цель — победа на Западном фронте, и, по мнению Правительства Соединенных Штатов, было бы весьма неразумно разделять или рассеивать наши силы».

До сих пор документ оправдывает вильсоновскую политику откладывания интервенции, отмечая иностранным критикам и успокаивая собственную совесть Вильсона. Далее он читается так: «Поэтому, с точки зрения Правительства Соединенных Штатов в данных условиях, военные действия в России можно предпринимать в настоящее время лишь с тем, чтобы предоставить защиту и посильную помощь чехословакам, подвергающимся нападениям со стороны вооруженных австрийских и германских военнопленных», — эта выдумка имела широкое хождение в то время, — «и чтобы поддержать те усилия, направленные к организации самоуправления или самозащиты, в которых сами русские согласны принять нашу помощь».

С этой целью Правительство Соединенных Штатов сотрудничает в настоящее время с Правительствами Франции и Великобритании в районе Мурманска и Архангельска. Соединенные Штаты и Япония являются единственными державами, которые сейчас способны действовать в Сибири с силой, достаточной для достижения даже столь скромных целей, как те, что были намечены выше. Правительство Соединенных Штатов обратилось поэтому к Правительству

Японии с предложением, чтобы оба правительства отправили во Владивосток военные части численностью в несколько тысяч человек, которые сотрудничали бы и действовали заодно при оккупации Владивостока» — напрасная надежда! — «и, в случае надобности, защищали бы тыл движущихся на запад чехословаков; Японское правительство дало на это свое согласие». Японское правительство давным-давно требовало этого шага.

США и Япония согласились послать по 7000 солдат во Владивосток и в Сибирь.

Дело не стали откладывать в долгий ящик. Уже 26 августа Джон Колдуэлл, американский консул во Владивостоке, телеграфировал в Вашингтон государственному секретарю: «От Стивенса: Около 18 000 японских солдат уже сошло на берег во Владивостоке. Кроме того, 6 000 продвинулись через Чанчунь на Маньчжурский фронт. Японцы заправляют всюду, где только возможно... Положение критическое»*.

Приходится признать правоту старомодной мысли, что даже государственному деятелю не следует совершать поступков, которые он считает неправильными.

22

Ленин и германская революция

Международное положение подвергалось коренным изменениям. Положение Германии ухудшалось. Мощное французское контрнаступление под Суассоном 18 июля 1918 года застигло германскую армию врасплох и вынудило ее отступить. Фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, германский главнокомандующий на Украине, и его адъютант капитан фон Дресслер 1 августа были убиты в Киеве левым эсером. Вывозить с Украины хлеб стало еще труднее: в Германии и в Австро-Венгрии усиливался голод.

---

* Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russian. Vol. II. P. 328–329.

Утром 8 августа, под завесой тумана, британские, австралийские, канадские и французские дивизии прорвали германскую оборонительную линию во Франции. «Положение стало чрезвычайно серьезно, — писал Людендорф⁸, — После 8 августа падение боеспособности Германии больше не подлежало сомнению... Войну надо было кончать». Через пять дней Людендорф объявил Гинденбургу⁹, канцлеру и государственному секретарю адмиралу фон Гинтце, «что наступлением заставить противника просить мира больше не представляется возможным. А одними оборонительными действиями добиться этой цели нельзя, так что придется кончать войну с помощью дипломатии».

На другой день эти опечаленные господа совещались с кайзером Вильгельмом¹⁰. Гинтце со слезами на глазах вкратце изложил взгляды Людендорфа. «Император был совершенно спокоен. Он согласился с государственным секретарем фон Гинтце и поручил ему открыть переговоры о мире, если возможно, через посредничество королевы Нидерландов»*.

Германская армия была побеждена. Германия потерпела поражение на поле битвы. Сам Людендорф признал это. И все-таки Людендорф и маленький фельдфебель — Адольф Гитлер¹¹, — зная, как романтические немцы любят мифы, успешно распространяли басню о том, что Германия якобы проиграла Первую мировую войну в результате «Дольхштосса» — удара в спину, — нанесенного в тылу коммунистами, социалистами, пацифистами и евреями. (Эта «большая ложь» помогла Гитлеру прийти к власти в 1933 году.)

Монархическая Германия смотрела в открытый гроб, послу Гельфериху не было смысла возвращаться в Москву с Коронного совета, на котором говорилось о неминуемом разгроме. Германское посольство переехало в Петроград, поближе к немецкой солдатне, сидевшей в Балтийских государствах. Позже оно переместилось в оккупированный войсками генерала Гофмана¹² русский город Псков. Там оно утратило свои дипломатические функции, как Гельферих, по-

---

* Ludendorff's Own Story. August 1914 — November 1918. P. 328–335.

видимому, и хотел. Он и его военный атташе, майор Шуберт, пламенно ненавидели большевизм и надеялись, что их уход приведет к его падению.

Генерал Макс Гофман бездельничал в тихой и всеми забытой восточной заводи войны, кипя от зависти к Людендорфу и не зная, куда девать накопившуюся энергию. «Я думаю, что нам совершенно необходимо начать новое наступление в России», — поверял он своему дневнику 26 августа 1918 года. «Если Антанта посадит на престол царя без нашего участия, мы будем изгнаны из Восточной Европы на следующие полвека»*. Гофману явно хотелось помочь Антанте избрать нового царя.

Опьяненный мечтами о завоеваниях, Гофман больше не видел действительности. Вести с запада протрезвили его. 11 ноября 1918 года было подписано перемирие. Война закончилась полным поражением Германии.

Гофман обвинял в поражении других немецких генералов. «Войну на западе мы бы выиграли в августе 1918 года, галопом», если бы только первый прорыв через Бельгию был проведен по плану Шлиффена¹³. Вместо этого правый фланг ослабили, чтобы укрепить левый. Кто виноват? Германское верховное командование. Немцам не следовало останавливаться на Марне. Мольтке виноват¹⁴. Надо было тогда не зарываться на четыре года в траншеи, а нанести прямой, быстрый и массивный, лобовой удар. «Вторая Ставка» упустила возможность. После этого войну можно было выиграть только на востоке. Но верховное командование не воспользовалось случаем, чтобы, разбив Россию и сдав Бельгию, заключить в 1917 году мир на основе *status quo ante*¹⁵.

Неожиданно, несмотря на все эти промахи, большевистская революция предоставила Германии вторую возможность выиграть войну, «установив порядок в России и подписав договор о дружбе с новым русским правительством». Тогда на западе можно было бы выждать: такая стратегия не при-

---

* *Hoffmann Max. War Diaries and Other Papers. Vol. I. London, 1929. P. 232.*

несла бы ни победы ни поражения. А Людендорф «хотел победить. Но он не употребил всех своих сил, да и не употреблял их с умом». Не сумев прорвать фронт, Людендорф мог бы вести на западе оборонительную войну и начать мирные переговоры, пока Германия еще была сильна. Он предпочел вести в наступление истощенные остатки армии и, таким образом, оставил свою страну безоружной «перед лицом ненависти англичан, фанатичной мстительности французов и душевно неуравновешенного Вильсона»*.

Таков был диагноз, поставленный Гофманом на основании посмертного вскрытия. Война была проиграна. Людендорф провез Ленина в Россию, но не смог воспользоваться плодами своей интриги. По логике Гофмана, Брестский¹⁶ мир был ошибкой. Германии нужно было разогнать Советы и сделать Россию своим сателлитом. Гофман возлагал ответственность за эту ошибку на Людендорфа, жаждавшего военной победы на западе и полной гегемонии в Европе.

В более глубоком смысле поражение Германии в обеих мировых войнах можно объяснить тем, что она не знала, восточная она держава или западная, и не могла определить, кто ее основной враг: Россия или англо-французы. Поэтому она вступила в схватку и с теми и с другими и потерпела поражение. Исторические параллели обыкновенно расходятся. Но в данном случае есть семейное сходство между Брестским миром, позволившим Людендорфу подготовить удар, который, по его замыслу, должен был поставить запад на колени, и пактом Молотова-Риббентропа, подписанным 23 августа 1939 года¹⁷.

Ноябрьское перемирие 1918 года было подписано под занавес. Кайзер Вильгельм отрекся и навсегда эмигрировал в Голландию. (Впрочем, он дожил до вторжения Гитлера в Нидерланды.) Германия стала республикой. Произошла революция. Но большевики ожидали большего.

«Мы головой и сердцем с вами», — писала Ленину Клара Цеткин¹⁸, вождь спартаковцев, послуживших зародышем

---

* *Hoffmann Max. Krieg der Versäurnten Gelegenheiten. P. 231–232.*

Коммунистической партии Германии. 26 июля 1918 года Ленин ответил ей: «Это дает нам уверенность, что лучшие элементы западноевропейского рабочего класса — несмотря на все трудности — все же придут нам на помощь»*.

За два дня до покушения на его жизнь Ленин обратился с речью к Всероссийскому съезду по просвещению. «Товарищи! — сказал он. — Мы переживаем один из наиболее критических, важных и интересных моментов — момент нарастания всемирной социалистической революции... Все признаки указывают на то, что Австрия и Италия переживают канун революции... В более стойких и крепких государствах, как Германия, Англия и Франция, несколько иначе и менее заметно, но совершается тот же процесс. Крах капиталистического строя и капиталистической войны неизбежен. Германские империалисты не смогли задушить социалистической революции»** Ленин не забывал и о вопросах внутренней политики. Всего за 18 дней до покушения на его жизнь он обратился с письмом к президиуму Конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, в котором жаловался на чрезмерную робость «в деле выдвигания рабочих для управления государством». На другой день он напечатал в «Правде» короткую статью о необходимости уделять в прессе меньше места политике и больше места экономике: «Почему бы, вместо 200–400 строк, не говорить в 20–10 строках о таких простых, общеизвестных, ясных, усвоенных уже в значительной степени массой явлениях, как подлое предательство меньшевиков, лакеев буржуазии, как англо-японское нашествие ради восстановления священных прав капитала?..» Требуя «побольше экономики», Ленин настаивал не на экономике вообще, а на экономике «действительного строительства новой жизни». «Черная доска отсталых фабрик, после национализации оставшихся

---

* *Lenin V. I. Über Deutschland und die Deutsche Arbeiterbewegung. Aus Schriften, Reden, Briefen. Besorgt vom Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. East Berlin, 1958. S. 443.*

** *Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 197.*

образцом разброда, распада, грязи, хулиганства, тунеядства, где она?»*.

Но в первую очередь ум Ленина занимала Германия. Необычная нота прозвучала в его обращении к заседанию фабрично-заводских комитетов 3 октября. Раньше он говорил о неизбежности мировой революции, чтобы ободрить своих слушателей, теперь он говорил о ней, чтобы пробудить трудовой энтузиазм: «Пролетариат России не только... следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы *для помощи немецким рабочим...* Российский пролетариат поймет, что теперь от него потребуются вскоре величайшие жертвы на пользу интернационализма... Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать... Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба... Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной Армии... Мы решили иметь армию в 1 000 000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь»**. Лозунг о мировой революции из мечтательной симфонии стал превращаться в марш.

Чтобы повлиять на события в Германии, Ленин подготовлял длинный памфлет, направленный против неторопливого эволюционизма Карла Каутского, теоретика германской социал-демократии. Но составление брошюры требовало времени, а Ленин хотел, чтобы события в Берлине как можно скорее достигли точки кипения. Поэтому он сочинил предварительную статью под заглавием «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которую 11 октября 1918 года опубликовала «Правда». «Величайшая беда и опасность Европы, — жаловался Ленин, — что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов, Реноделей, Хендерсонов, Узббов и К^о19, или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной. Конечно, могучее революционное движение

---

* Там же. С. 211–214.

** Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 215–217.

масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью. Поэтому всячески надо разоблачать ренегатов, вроде Каутского... Ленин призывал немецких рабочих «пойти на революцию, *не считаясь* с национальными жертвами (только в этом и состоит интернационализм)... Интерес международной рабочей революции *выше* целостности, безопасности, спокойствия того или другого, и *именно своего*, национального государства». Очевидно, Ленин опасался патриотических настроений в среде германского рабочего класса и думал о «целости и безопасности» нового государства советов.

Социализм зародился сам по себе в целом ряде государств. Но колыбелью современного социалистического движения была Германия, и его родоначальниками были Маркс и Энгельс, два плодовитых немца, прошедших свои самые плодотворные годы в Англии, поглощая британскую статистику и производя на свет универсальные теории. Прямая линия марксистского наследования ведет от Маркса через Энгельса к Каутскому. Карл Каутский (1854–1938) кодифицировал марксистские социальные законы, систематизировал марксистскую мысль и научил социализму германскую социал-демократическую партию (СДП), организованную Августом Бебелем, Вильгельмом Либкнехтом и Фердинандом Лассалем в 1863 году. В начале эта партия исповедовала пацифизм и интернационализм. Бебель, рабочий с ораторским даром, выступил в 1870 году против военных кредитов и поддержал Парижскую Коммуну²⁰.

Каутский нашел врага в Эдуарде Бернштейне²¹ (1850–1932), чья книга об эволюционном социализме была основана на следующих положениях: классовая борьба затухает, средние классы, переходные между рабочими и работодателями, растут, а капитализм вовсе не стоит на краю гибели; поэтому есть реальная возможность провести общественные и экономические реформы. Каутский и Бебель отвергли теории Бернштейна, предпочитая реформам революцию. В сибирской ссылке Ленин и Крупская²² за две недели перевели памфлет Каутского против Бернштейна. В апреле и в октябре 1911 года Ленин

одобрительно отзывался о Каутском в письмах к Максиму Горькому. В 1912 году Каутский подписал Базельский манифест²³, призывавший социалистов похоронить буржуазию в случае войны.

Смерть, наступившая в 1913 году, избавила Бебеля от духовных мучений и политической раздвоенности, на которые начало мировой войны обрекло СДП. Маркс люто ненавидел русский царизм и считал имперскую мощь Великобритании необходимой, чтобы противостоять ему на мировой арене. Бебель был недоволен соперничеством Германии с Англией на морях. СДП отстаивала всеобщую забастовку как оружие предотвращения войны. Тем не менее, в 1914 году социалистические депутаты рейхстага, за исключением весьма немногих, проголосовали за военные кредиты. Чувства победы разум, патриотизм изгнал пацифизм, национализм затмил интернационализм.

Каутский, однако, как и Бернштейн, остался на антивоенных позициях и вместе с Гуго Гаазе²⁴ вступил в маленькую Независимую социалистическую партию Германии.

Поэтому можно было бы ожидать, что Каутский положительно отнесется к захвату власти антивоенной и революционной партией большевиков. Так отнесся к большевистскому перевороту Карл Либкнехт, унаследовавший от своего отца, Вильгельма Либкнехта, ненависть к монархической России. Но вместо этого Каутский отнесся к диктатуре пролетариата всего лишь как к новой форме русского абсолютизма.

Гнев Ленина легко понять. Пробыв у власти 11 месяцев, он уже понимал, что Советская Россия не могла, а зарубежье не хотело облегчить исполнение стоявшей перед ним задачи: в кратчайший срок построить сильное государство. Но теперь родина Маркса была беременна революцией, и, конечно, ожидалось, что эта революция будет марксистской: младшей, но более одаренной сестрой советской революции. Противники такой революции вызывали в Кремле ярость, а в числе противников был и Каутский. В 1918 году он напечатал в Вене брошюру (63 стр.) под названием «Пролетарская революция», «почти треть которой», по мало любезному вы-

ражению Ленина, «занял наш водолей болтовней, которая очень приятна для буржуазии, ибо равняется подкрашиванию буржуазной демократии и затушевывает вопрос о пролетарской революции». «Нельзя забывать, что Каутский знает Маркса почти наизусть», признает далее Ленин, перед тем как доказать (на восьмидесяти с лишком страницах), что Каутский ровным счетом ничего не понимает в Марксе*.

Основной довод Ленина заключался в том, что хотя демократического государства вообще не может быть, советское государство все-таки более демократично, чем буржуазное. Каутский это отрицал. Полемика между Лениным и Каутским, таким образом, положила начало спорам о природе, о преимуществах и недостатках советской системы, которые ведутся в мировом масштабе и по сейчас. Ленин изложил суть взглядов Каутского в начале книги, а затем перешел к своим собственным взглядам на грехи капиталистической свободы и добродетели советской власти. За последовавшие десятилетия сторонники Ленина ничего не прибавили к его аргументам, кроме повторений.

«Буквально, — утверждал Каутский, — слово диктатура означает уничтожение демократии. Но, разумеется, взятое буквально это слово означает также единовластие одного отдельного лица, не связанного никакими законами». Не предвидя двадцатитрехлетнего периода сталинского единовластия, Ленин объявил эти слова «заведомой ложью». Каутский утверждал также, что, по Марксу, «диктатура пролетариата»

---

* Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 331–412. См. также: Ленин В. И. Избранные произведения: в 6 т. Т. 4. 1918–1920. С. 86–160, и отдельные издания брошюры «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Эта статья была написана Лениным в октябре–ноябре 1918 г. В марте 1920 г. Ленин начал работать над предисловием к ее английскому изданию с целью дать анализ и критику дельности Дж. Рамзэя Макдональда и его Независимой рабочей партии («Независимой» — на словах независимой, на деле вполне зависимой от буржуазных предрассудков), но, написав страницы полторы (воспроизведенные в: Ленинский сборник. Т. 36. С. 100–101), бросил, за неимением времени.

является не формой правления, а «состоянием, которое по мере необходимости должно наступить повсюду там, где пролетариат завоевал политическую власть». В подтверждение он привел слова Маркса о том, «что в Англии и в Америке переход может совершиться мирно, следовательно, путем демократическим». Маркс, по мнению Каутского, считал, что диктатура есть временная необходимость, а не цель революции, необходимость, непосредственно связанная с захватом власти, а не желательная форма правления. В таких странах, как Англия и Америка, где переход к социализму мог быть осуществлен демократическим путем, диктатура не была нужна.

Ленин попытался применить к Каутскому убийственные доводы и эпитеты: «...чудовищное извращение марксизма начетчиком в марксизме Каутским... сведется к лакейству перед оппортунистами, т. е. в конце концов перед буржуазией». Каутский «забыл» о классовой борьбе. «Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства». Слово «ренегатство» звучит многозначительно в устах Ленина: Каутский забыл об основном религиозном догмате марксизма — о классовой борьбе. «Уничтожала ли диктатура рабовладельцев демократию *среди рабовладельцев*, для них? — спрашивал Ленин. — Всем известно, что нет... Диктатура не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами, но она обязательно означает уничтожение... демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура».

Каутский отвергал идею классовой диктатуры, потому что «класс может только господствовать, но не управлять... Управляют же организации или партии». «Путаете, безбожно путаете, господин путаницы советник!» — издевательски комментирует Ленин.

Пролетариат никогда не управлял Советским Союзом. Управляла партия, в которой господствовал диктатор или олигархия.

Злоба заставила Ленина забыть собственные его слова, сказанные в 1905 году в памфлете «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «С вульгарно-буржуазной точки зрения, понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга». Свет на эти слова проливают заметки, сделанные Лениным на полях «Критики Готской программы» Маркса в 1917 году, когда он работал над «Государством и революцией»: «По сути дела, демократия исключает свободу». В этом смысле диктатура и демократия схожи и вовсе не исключают друг друга. Ленин здесь имеет в виду и пролетарскую и буржуазную демократию: «Диалектика развития такова: от самодержавия к буржуазной демократии, от буржуазной демократии к пролетарской, от пролетарской вообще ни к какой». Пришествие свободы ожидалось при «никакой» демократии.

В том же самом памфлете Ленин указал на различия между классовой диктатурой и диктатурой личной, между диктатурой демократической и социалистической. Различие, очевидно, заключалось во временной природе пролетарской или социалистической диктатуры. Здесь Ленин опирается на Маркса, писавшего в «Новой Рейнской газете» 14 сентября 1848 года: «Всякое временное государственное устройство после революции требует диктатуры и притом энергичной диктатуры». «Что же говорят нам эти слова Маркса? — разъясняет Ленин. — Что временно революционное правительство *должно* выступать диктаторски».

Эти слова не противоречат Каутскому, который, ссылаясь на Маркса, говорит о том, что пролетарская диктатура будет не «формой правления», а временным состоянием после захвата власти. Многое, однако, зависит здесь от интерпретации слова «временное». Что оно означает: три месяца? три года? тридцать лет? полвека? В определенном смысле, конечно, все на этом свете временно...

(О продолжительности «временного» этапа Ленин говорит в статье, опубликованной в ноябрьской книжке «Коммунистического Интернационала» за 1919 год: «Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала

для этого все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя. И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет не нужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата».)

Диктатура требовала максимального насилия. Это исключало свободу. Еще в «Двух тактиках» Ленин писал: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой». От этого принципа он никогда не отказался и всегда следовал ему. «Каутский, — писал Ленин, — докатился... до уровня либерала, который болтает пошлые фразы о «чистой демократии»... чураясь всего более *революционного насилия* со стороны угнетенного класса. Когда Каутский «истолковал» понятие «революционной диктатуры пролетариата» таким образом, что исчезло революционное насилие со стороны угнетенного класса над угнетателями, то в деле либерального искажения Маркса был побит всемирный рекорд. Ренегат Бернштейн оказался щенком по сравнению с ренегатом Каутским». Ленин предсказывал переход к социализму с помощью насилия в Англии и в Америке: «...необходимость же этого насилия *в особенности* вызывается тем... что существует *военщина и бюрократия*. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, *не было*. (А теперь они и в Англии и в Америке *есть*)». Здесь Ленин ревизует и Маркса и факты: в Англии и в США были в 70-х годах и бюрократия и сильные армии. Но Ленин свято веровал во всеобщую применимость социальных законов, не терпел исключений и кроил частности так, чтобы они подходили под его обобщения. Благодаря такому образу мыслей, он был непоколебимо убежден, что раз в России произошла революция, ее не минует и весь мир.

Однако Ленин опасался, что немцы, вместо того чтобы произвести пролетарскую революцию, сохраняют основы капитализма. Поэтому он особенно сильно ополчился против капиталистических свобод: «Каутский бесстыдно прикрашивает буржуазную демократию, замалчивая, напр., то, что делают наиболее демократические и республиканские буржуа

в Америке или Швейцарии против бастующих рабочих. О, мудрый и ученый Каутский об этом молчит! Он не понимает, этот ученый и политический деятель, что молчание об этом есть подлость... О, ученость! О, утонченное лакейство перед буржуазией! О, цивилизованная манера ползать на брюхе перед капиталистами и лизать их сапоги! Если бы я был Крупном²⁵ или Шейдеманом, или Клемансо, или Реноделем, я бы стал платить господину Каутскому миллионы...

«Ученый господин Каутский «забыл» — вероятно, — случайно забыл — «мелочь», именно: что охрану меньшинства господствующая партия буржуазной демократии дает только другой *буржуазной* партии, пролетариату же при всяком *серьезном, глубоком, коренном* вопросе вместо «охраны меньшинства» достаются военные положения или погромы». Далее Ленин формулирует свой закон: «*Чем больше развита демократия, тем ближе она бывает при всяком глубоком политическом расхождении, опасном для буржуазии, к погрому или к гражданской войне.* Этот “закон” буржуазной демократии ученый господин Каутский мог бы наблюдать на деле Дрейфуса²⁶ в республиканской Франции, на линчевании негров и интернационалистов в демократической республике Америке, на примере Ирландии и Ульстера в демократической Англии, на травле большевиков и организации погромов против них в апреле 1917 года в демократической республике российской...

Возьмите буржуазный парламент. Можно ли допустить, что ученый Каутский никогда не слышал о том, как биржа и банкиры *тем больше* подчиняют себе буржуазные парламенты, *чем сильнее* развита демократия?»

С другой стороны, по утверждению Ленина, «пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся». Советская внешняя политика также демократична и «делается открыто», в то время как «везде обман масс, в демократической Франции, Швейцарии, Америке, Англии в сто раз шире и утонченнее, чем в других

странах». «Участие в буржуазном парламенте (который *никогда* не *решает* серьезных вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией...»

«Советская власть в миллионы раз демократичнее самой демократичной буржуазной республики... Инстинктивно, слыша обрывки признаний правды из буржуазных газет, рабочие всего мира сочувствуют Советской республике именно потому, что видят в ней *пролетарскую* демократию, *демократию для бедных*, а не демократию для богатых, каковой является на деле всякая, даже наилучшая, буржуазная демократия... А в России совсем разбили чиновничий аппарат... прогнали всех старых судей, разогнали буржуазный парламент — и дали *гораздо более доступное* представительство именно рабочим и крестьянам...

Каутский не понимает этой, для каждого рабочего понятной и очевидной, истины, ибо он «забыл», «разучился» ставить вопрос: демократия *для какого класса?* Он аргументирует как Шейлок²⁷: «фунт мяса», больше ничего*. Равенство всех граждан — иначе нет демократии».

Назвав Каутского «ученейшим кабинетным дураком с невинностью десятилетней девочки», Ленин обрушился на данный им анализ разгона Учредительного Собрания²⁸. Выборы в Собрание, по словам Ленина, были проведены преждевременно, до того как большевики достигли максимальной популярности. Ленин привел статистику: на Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года большевики получили 13% голосов, 7 ноября 1917 года — 51% голосов, 23 января 1918 года — 61%, в марте 1918 года — 64%, и в июле 1918 года — 6в%** . Эти цифры весьма примечательны. Ибо, по сло-

* Это упоминание о Шейлоке опущено в английском издании цитируемой книги Ленина, напечатанном в то время «Британской Социалистической партией» — предшественницей Британской КП.

** Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 368.

вам Ленина, меньшевики и правые эсеры были исключены из Советов 14 июня 1918 года*. Левые эсеры были исключены в начале июня 1918 года. Таким образом, прирост только в два процента голосов между мартом и июлем 1918 года указывает на задержку в росте большевистской популярности. Употребление государственной машины для подавления соперников и «переубеждения» электората должно было сделать Советы «монолитными» гораздо раньше.

Ленин утверждал, что Учредительное Собрание было разогнано потому, что большевики были побеждены на выборах, которые, произойди они позже, принесли бы большевикам победу. Таким образом, по логике Ленина, на течение дела влияют *ожидаемые* события, а не события на самом деле имевшие место.

Ленин приветствовал «поношения», градом сыпавшиеся на Советскую Россию: «Это хорошо, ибо это ускорит и углубит раскол революционных рабочих Европы с Шейдеманами и Каутскими, Реноделями и Лонгэ, Хендерсонами и Рамсеями Макдональдами²⁹, со старыми вождями и старыми предателями социализма. Массы угнетенных классов, сознательные и честные вожди из революционных пролетариев будут за нас... Большевизм помог на деле развитию пролетарской революции в Европе и в Америке... Не только общеевропейская, но мировая пролетарская революция зреет у всех на глазах, и ей помогла, ее ускорила, ее поддержала победа пролетариата в России».

Ленин окончил памфлет против Каутского 9 ноября 1918 года. В ночь с 9 на 10 он получил известия о революции в Берлине, передавшей власть Советам, а утром дописал последнее предложение своего памфлета: «Заключение, которое мне оставалось написать к брошюре о Каутском и о пролетарской революции, становится излишним».

Но настоящее заключение написала сама жизнь, разочаровав ожидания Ленина. Сначала все шло хорошо. 23 октября Карла Либкнехта выпустили из тюрьмы. Через три дня подал в отставку Людендорф. На короткое время показалось, что

---

* Там же. С. 372.

его преемником может стать Либкнехт. 3 ноября восстали матросы в Киле, а 9 ноября Либкнехт с балкона королевского дворца провозгласил установление Германской советской республики. Так как угрожал хаос и во многих городах власть была захвачена советами, германский канцлер, принц Макс Баденский передал свой пост Фридриху Эберту³⁰, социал-демократу, входившему в имперский военный кабинет. Филипп Шейдеман, другой социал-демократический член кабинета, узнав о действиях Либкнехта, провозгласил демократическую республику. Эберт пробыл на посту канцлера только один день — 9 ноября. В ту же ночь с ним связался по телефону генерал Вильгельм Грёнер³¹, от верховного командования предложивший ему вооруженную поддержку. Эберт принял предложение генералов. Этот «союз по телефону», как говорит Джеральд Фрейнд*, спас республику и обреч революцию на поражение.

На другой день Эберт обратился к Берлинскому совету рабочих и солдат и заручился его поддержкой. Позже Эберта выбрали председателем совета народных комиссаров: так именовалось его правительство, в подражание Советской России. Но это была лишь уступка революционной буре, шедшей уже на убыль. Правительство Эберта состояло из умеренных социалистов.

Германские советы собирались положить конец войне. Но окончание войны положило конец им самим, они не могли больше бороться. 19 декабря 1918 года съезд советов назначил на 19 января 1919 года выборы в учредительное собрание. Четыре дня спустя революционные солдаты, матросы и вооруженные спартаковцы ворвались в имперскую канцелярию и арестовали Эберта. На другой день, солдаты регулярной армии, повинувшись приказу Гинденбурга и правительства, освободили его. Увидев призрак контрреволюции, независимые социалисты вышли из кабинета. В Берлине за-

---

* Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. With an introduction by J. W. Wheeler-Bennett. London; New York, 1957. P. 33.

вязались ожесточенные уличные бои. В некоторых районах победа осталась за революционерами. Но 16 января войска под командой социал-демократического вождя Густава Носке³² вошли в Берлин и, поставив пулеметы и пушки на стратегических перекрестках, овладели столицей. В тот же вечер политические бандиты, вероятно — первое поколение нацистов, убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург и бросили их тела в канал. После этого пламя революции стало быстро гаснуть. 6 февраля 1919 года, в Веймаре, городе Гёте, сошлось Национальное собрание. Эберт был выбран президентом, а Шейдеман — канцлером коалиционного правительства, которое поддерживали социал-демократы, партия католического центра и демократическая партия. С этого начался извилистый — то здоровый, бодрый и творческий, то печальный — путь Веймарской республики.

Коммунистическая революция в Германии потерпела поражение, потому что рабочие и интеллигенция в нее не верили, крестьяне в ней не нуждались, а армия, средние классы и умеренные политические деятели были против нее. Ленину следовало бы знать, что судьба германской революции зависела не от «рenegата Каутского» и не от «предательства» социал-демократов. Коммунизм учит, что великие события повинуются «железной логике истории» и «объективной исторической необходимости». Уже одни эти критерии должны были предопределить коренное различие между германской революцией и русской. Большевизм взял власть потому, что мировая война повела к распаду русского общественного строя и разложила русскую армию. Но германская армия, потеряв в боях 1 834 534 человека, 11 ноября 1918 года все еще насчитывала 3 403 000 человека, 183 дивизии. Несмотря на отдельные случаи неповиновения и мятежа, эти вооруженные силы встали на защиту новорожденной республики. Кроме того, общественная структура Германии осталась невредимой, хотя война и повела к многочисленным внутренним сдвигам. Потребовалось четырнадцать послевоенных лет безумия и бестолковщины в Германии, на Западе и в Москве, чтобы породить тоталитаризм Гитлера.

К этим объективным факторам можно прибавить и некоторые субъективные: с.-д. партия Германии, благодаря разлагающему влиянию компромиссов военного времени, больше не была той партией, которую знал Бебель. В конце войны ее вожди стояли перед непреодолимым соблазном разделить власть с буржуазией. И, наконец, одиннадцать месяцев большевистской диктатуры в России отбили у социал-демократов и у Каутского еще остававшийся у них вкус к революции. Большевизм нуждался в коммунистической Германии, но сделал ее создание невозможным.

Ленин делал все, чтобы коммунистическая Германия стала возможной. За словесными нападками на Каутского последовали хорошо замаскированные дела. 22 октября Ленин впервые выступил публично после того, как на него было совершено покушение. В своем сорокаминутном докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, он отметил многочисленные признаки революции в Европе. Цитируя сообщения итальянской буржуазной газеты о поездке американского профсоюзного вождя Самюэля Гомперса по Италии, он сказал: «Итальянские рабочие ведут себя так, что, кажется, они позволили бы ездить по Италии только Ленину и Троцкому». В Германии, утверждал Ленин, создание советов и укрепление левой линии в Независимой социалистической партии являются верными признаками назревающей революции.

К Ленину, по-видимому, вернулись силы. Ободренный перспективой международной революции, он выступает каждый день на двух-трех митингах. На одном митинге, 6 ноября, он сказал: «Германия, как вы знаете, выслала нашего посла из Берлина, ссылаясь на революционную пропаганду нашего представительства в Германии. Германское правительство как будто раньше не знало, что наше посольство вносит революционную заразу. Но если раньше Германия об этом молчала, то потому, что она была еще сильна, что она не боялась нас. Теперь же, после военного краха, мы стали ей страшны».

Ленин знал правду: это была не зараза, а организованная подрывная деятельность. Советский посол Адольф Иоффе³³ покупал вооружение германским революционерам и финансировал их пропаганду. Много лет спустя я услышал об этом от него самого. В 1927 году, в Москве, я услышал от общего знакомого, Георгия Андреичина, советского коммуниста болгарского происхождения, что Иоффе хотел бы со мною встретиться. Я раньше никогда не встречал Иоффе, но он слышал о моей работе над книгой по советской внешней политике и, по-видимому, хотел поговорить с посторонним — для истории. Только позже мне стало ясно, почему он хотел говорить со мной: 17 ноября 1927 года, через несколько недель после нашей встречи, Иоффе покончил с собой в знак протеста против политики Сталина. Он был не в силах предотвратить наступление новой эры репрессий и мог лишь своей смертью показать, что отказывается принять ее. Мне он сказал, что политика Сталина глубоко его огорчает. И, без всякого перехода, но как бы для того, чтобы указать, что он был воинствующим коммунистом и именно поэтому не мог терпеть Сталина, медленно встал с постели (он был болен) и вынул из своих бумаг отчет о деятельности советского посольства в Берлине в 1919 году. Посольство, утверждал Иоффе «было главным штабом германской революции. Я покупал тайную информацию у германских чиновников и передавал ее радикальным деятелям», — которые были большей частью членами Независимой социалистической партии, — «а те использовали ее в своих речах и статьях, направленных против правительства кайзера. Я заплатил 100 000 марок за оружие для революционеров. Тонны антимонархической и антивоенной литературы печатались за счет нашего посольства. Мы хотели свергнуть монархию и прекратить войну. Ваш президент Вильсон преследовал ту же цель иными средствами. Почти каждый день, после наступления темноты, независимые социалисты тайком приходили в посольство, чтобы со мной посоветоваться». Иоффе был испытанный заговорщик. Социалисты приходили за его советом, за деньгами, за руководством. «В конце концов, — сказал он с со-

жалением, — мы осуществили мало. Для значительных перемен, для успешной революции у нас не хватало сил». Подумав минуту, он добавил: «Но, кажется, мы сократили войну на месяц и спасли много жизней».

Слова Иоффе подтверждаются его выступлением в печати, которое я позже нашел на страницах советского журнала*. Там Иоффе писал, что более десяти газет Независимой социалистической партии выходило под надзором советского посольства в Берлине и на его деньги. При этом, как категорически утверждал Иоффе, советское посольство всегда работало в тесном контакте с германскими социалистами, когда велась подготовка революции.

Ленин придавал большое значение присутствию Иоффе в Берлине. Об этом свидетельствует не меньший авторитет, чем Карл Радек³⁴: «Независимцы требовали от нас отказа от взноса дани, предписанной нам Брестским миром. Владимир Ильич сопротивлялся этому. — Стоит уплатить за то, чтобы Иоффе мог еще оставаться в Берлине, — говорил он. И мы золото послали». В это время, осенью 1918 года, Ленин отправил Радека в Германию руководить революцией. Восемь лет спустя Радек опубликовал воспоминания о своих похождениях в Германии**.

Хотя Карл Радек сопровождал советскую делегацию в Брест-Литовск, он никогда не занимал должности в советском правительстве, он был только публицист, лучший в России, а, может быть, в период своего расцвета, — и во всем мире. Он был дьявольски остроумен и феерически уродлив. Густые, курчавые, растрепанные черные волосы, которые он, по-видимому, расчесывал полотенцем, а не гребешком; смеющиеся близорукие глаза за толстыми стеклами очков; выпяченные влажные губы; безусое лицо с бакенбардами, сходящимися под подбородком, и нездоровой желтоватой кожей. Но острый язык Радека блеск его юмора и достоверность

---

* Вестник жизни. № 5. М., 1919.

** Радек К. Ноябрь. Страничка из воспоминаний // Красная новь. М., ноябрь 1926 г. С. 139–175.

сообщаемой им информации заставляли забыть о его внешности. Его комнаты — сначала в Кремле, потом в закопченном правительственном доме на набережной Москвы-реки — были загромождены кипами газет со всех концов мира. Он читал газеты и журналы с молниеносной быстротой, в то же время разговаривая с посетителем, комментируя прочитанное, пошучивая и ругаясь. В начале двадцатых годов, когда я еще плохо знал русский язык, мы разговаривали по-немецки: Радек был польский еврей, воспитанный в Германии. Позже мы перешли на русский язык. Иногда я звонил ему по телефону. Отвечала его жена и назначала мне визит от имени мужа. Иногда отвечал сам Радек. «Товарищ Радек», — говорил я. «Товарища Радека нет», — отвечал он. Тогда я называл себя, и он обыкновенно назначал мне время приема. Я находил его лежащим на постели под грудой капиталистических газет, почти скрывавшей его, нечесанным и, по-видимому, немытым, с опухшими глазами. Радек любил поговорить. В начале визита в нем происходила заметная борьба между желанием поговорить и желанием продолжать чтение. Когда первое желание побеждало, его невозможно было остановить. Если это бывало после моего возвращения из Америки, Германии, Англии или Испании, он задавал вопрос, к примеру, об экономической политике Рузвельта, но не успевал я открыть рот, как он уже сам отвечал на свой вопрос. Меня это удовлетворяло вполне. Я знал, что я знал, я хотел знать, что он думает. Начинал он революционным энтузиастом, кончал — циником, не верящим ни в кого и ни во что.

Однажды, в своей квартире в Кремле, он угощал меня чаем, китайским чаем, который ему прислал из Китая «христианский» генерал Фын Ю-шань с приветом «от младшего брата революции Старшему Брату Революции», — Радек досконально изучил Китай и стал ректором московского университета имени Сун Ят-сена³⁵. Вдруг зазвонил его телефон. Во время телефонного разговора послышался щелчок, и Радек сказал своему собеседнику: «Какой-то шпик подключился. Ну, и черт с ним!» — и продолжал, как ни в чем не бывало, ругать сталинскую администрацию. Неизбежным возна-

граждением за это поведение послужила ссылка в Сибирь. Позже, раскаявшись, как остальные троцкисты, он вернулся в Москву и присоединил свой громкий голос к какофонии культа личности. Тем не менее, Сталин посадил его на скамью подсудимых во время второго из знаменитых московских процессов, в январе 1937 года. Радека приговорили к тюремному заключению. О судьбе его ходили фантастические слухи: то будто его задушили соседи по камере за доносы на товарищей; то будто во время Второй мировой войны его освободили и послали в Польшу для ведения коммунистической пропаганды; то будто он снова стал советником Сталина; и т.д., и т.д. Все эти легенды отражают общее мнение о его необыкновенной личности. В советском издании, напечатанном в 1961 году, указывается, что он умер в 1939 году, по-видимому, во время отбытия приговора.

Радек сочинил множество политических анекдотов, этой нелегальной валюты тоталитаризма. Два примера этих анекдотов приведены ниже:

1. Сталин пригласил ведущих коммунистов посоветоваться о том, как можно легко, быстро и дешево сделать народ счастливым. Радек прошептал что-то соседу, быстро прикрывшему рот рукой, чтобы скрыть смех. «В чем дело, Радек?» — спросил Сталин. «Нет, нет, это просто шутка, вам не понравится». Сталин попросил рассказать, пообещав, что Радеку ничего не будет. «Самый простой, быстрый и дешевый способ осчастливить людей, — сказал Радек, — это повесить вас на Красной площади». 2. Рабинович рассказывает Ленину о своей новой работе: он будет сидеть на высокой башне и смотреть на запад — следить, когда загорится мировой пожар. «Зачем тебе такая работа? — спросил Ленин. — Разве за это хорошо платят?» «Платят плохо, но работа постоянная».

В восемнадцатом году, однако, Радек еще не утратил своей веры. Назревание кризиса в Германии наполняло его революционным воодушевлением: среди русских он был «немец № 1». Как советник Ленина по германскому вопросу, он пользовался огромным авторитетом. В начале своих мемуаров о германской революции Радек пишет: «Меня вызвал

к Юзу наш полпред Иоффе: только что получил сведения, что германское правительство решило обратиться к союзникам с предложением перемирия и мирных переговоров... Я, само собой понятно, немедленно передал сообщение правительству. Оно подействовало на нас, как весть об освобождении. Положение в последние месяцы очень ухудшилось. Сведения нашей разведки указывали на то, что кольцо на шее Советской России затягивается с каждым днем все больше». Бухарин³⁶, находившийся в Берлине с «торговой миссией», сообщал в Москву о растущем брожении среди рабочих. 23 октября 1918 года был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт. «Мы почувствовали, — пишет Радек, — что германская революция имеет вождя». Вскоре вспыхнула революция в Австрии (Радек, по крайней мере, думал, что это была революция). «Ильич и Свердлов³⁷ приказа ли мне писать воззвание. — Но где же мы его напечатаем? Наборщиков уже нету. — Будут, — сказал Бела Кун³⁸. — Дайте только хлеб и колбасу. И он отправился немедленно с учениками венгерской партийной школы искать военнопленных наборщиков».

На другое утро весть об австрийской революции вызвала рабочую демонстрацию перед зданием московского совета. Рабочие шли волна за волной и совсем заполнили площадь. «Вдруг понесся крик, который рос, как ураган, — вспоминает Радек. — Мы догадались, что Ильич не выдержал в Кремле и первый раз после своего ранения выехал. Мы выбежали в нему на встречу с Куном. Лицо у него было взволнованное... До позднего вечера шли шеренги рабочих, работниц и красноармейцев. Пришла мировая революция. Народная масса услышала ее железный шаг. Наше одиночество кончилось».

Эта австрийская «революция» произошла 12 ноября 1918 года³⁹, когда монархия была заменена республикой. В толпе перед венским парламентом горстка коммунистов выкрикивала лозунги своей партии. Кое-где стреляли солдаты-коммунисты. Но волна демократической революции потопила их.

Через несколько дней, продолжает Радек свои воспоминания, «меня известили по телефону из германского

посольства, что Берлин нас вызывает». Радек с Чичериным поехали в посольство. Сначала они разговаривали по прямому проводу («по Юзу», как тогда говорили) с Оскаром Коном, независимым депутатом Рейхстага, а потом с Георгом Гаазе, «вторым председателем правительства народных уполномоченных» (Радек не употребляет выражения «совет народных комиссаров», когда говорит о тогдашнем правительстве Германии. — *Примеч. пер.*). Гаазе выразил благодарность за советское предложение посылки хлеба, но отклонил его: «Зная, что в России — голод, мы просим обратить хлеб, который вы хотите пожертвовать для германской революции, в пользу голодающих в России... Президент американской республики Вильсон гарантировал Германии получение хлеба и жиров, необходимых для прокормления населения зимой».

«Вождь германской революции Гаазе получает от вождя американской плутократии Вильсона хлеб и сало. Ему не нужна помощь русской революции. Второй раз... Иуда из Кариота совершил предательство», — комментирует Радек.

Через несколько дней пришла телеграмма из Берлина: советскую делегацию приглашали на съезд германских советов. Была составлена делегация из Иоффе, Раковского⁴⁰, Бухарина, Радека и Игнатова. «Мы собрались с Ильичем и Свердловым переговорить о линии поведения на съезде. После разговора Ильич задержал меня... — Начинается серьезнейший момент. Германия разбита. Путь для Антанты в Россию очищен. — Вряд ли, — отвечал я, — войска, сковавшиеся по миру, захотят пойти против нас.

— Перебросят цветные войска. Как вы будете агитировать среди них?

— Будем агитировать картинками. Но вряд ли цветные войска выдержат наш климат. Если революция не придет скоро в страны союзников, и они смогут послать свои войска в страну революции, то эти войска здесь разложатся, — ответил я.

— Посмотрим, — был ответ Ильича...»

«Он начал меня инструктировать на случай, если я останусь в Германии:

— Помните, что вы будете действовать в тылу у врага. Интервенция неминуема, и от положения в Германии будет много зависеть.

— Германская революция — чересчур большие события, чтобы ее рассматривать, как диверсию в тылу у противника, — ответил я настороженно». Но Ленин думал только о безопасности самой России.

Радек, Игнатов и Бухарин отправились на запад, к германскому фронту. Там происходили стычки между немцами и Красной Армией. Немцы отказались пропустить советскую делегацию. Радек связался с Свердловым, Свердлов посоветовался с Лениным, и Радек получил разрешение ехать в Германию нелегально, чтобы представлять русских коммунистов на германском съезде советов.

Воображение находчивость, смелость и энергия помогли Радеку избежать все ловушки и преодолеть все преграды на пути в Берлин. Наконец, он приехал. «Грязный, запачканный, покупаю “Роте Фане”» — газету германских коммунистов. Найдя адрес редакции, Радек сейчас же встретился с Фанни Езерской, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом, Паулем Леви⁴¹ и другими руководящими коммунистами. «А как дело обстоит в берлинском совете?» — спросил их Радек, как только улеглось удивление, вызванное его неожиданным приходом в редакцию.

« — Мы там не имеем никакой организованной силы.

— А сколько у нас организованных сил в Берлине?

— Только что собираем силы. Когда началась революция, то мы собрали в Берлине не больше 50 человек».

В тот же вечер Леви повел Радека в рабочий кабачок. «Спор вертелся в первую очередь вокруг террора. Розе было больно, что главою ВЧК является Дзержинский⁴²: «Ведь террором нас не задавили. Как можно надеяться на террор?»

«Ставка наша — на мировую революцию, — доказывал Радек. — Надо выиграть несколько лет времени. Как же тут отрицать значение террора?» Его поддержал Либкнехт. Но Роза Люксембург не успокоилась: «Может быть, вы пра-

вы. Но как это Юзеф* может быть таким жестоким?» Она никогда не была ортодоксальной коммунисткой и расходилась с Лениным по многим вопросам.

Наблюдательный Радек быстро оценил положение. Кучера в кабачке сказали ему: «Вильсон хороший парень. Он заставил бежать эту сволочь кайзера. Снабжает теперь Германию хлебом. Он даст хороший мир».

Таков был глас народа. Да и сам Либкнехт говорил Радеку: «Кто бы попытался говорить о защите революции против Антанты, толпа бы его съела». Первый съезд Германской коммунистической партии разочаровал Радека: «Я не чувствовал, что здесь уже передо мною партия».

Замышлять пролетарскую революцию в Германии при таких обстоятельствах было вершиной безответственности. Ленин грубо переоценил обстановку: его предсказания были фантазией. Своих германских товарищей он убеждал произвести путч, захватить власть с помощью переворота. О народном восстании и поддержке масс не могло быть и речи. В Кремле простовато надеялись на то, что по одному лишь требованию русской революции, мечта превратится за границей в реальность, но одна рота не могла победить в Германии целую армию. На одних надеждах в истории далеко не уедешь.

После убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта Радек увидел на улице плакат, назначающий награду тому, кто укажет место его пребывания. Он снял комнату в квартире у вдовы военного врача и там писал революционные воззвания и брошюры. 13 февраля в его комнату ворвались с криком «Руки вверх!» полицейские агенты и увезли в Моабитскую тюрьму. Радека заковали в цепи.

Допрос продолжался долго и был весьма неприятен. Радек не знал, не линчуют ли его на месте рассерженные солдаты, сторожившие тюрьму. Допрос, наконец, кончился, но Радека не выпустили. В Москве были взяты немецкие заложники и завязались переговоры об обмене. Пока, Радеку разрешили

---

* Партийная кличка Феликса Дзержинского была «Юзеф» или «Иосиф».

принимать в тюрьме посетителей. Его камера превратилась в политический салон. «Одним из первых гостей был Талаат-паша и его военный министр, герой защиты Триполиса, Энвер-паша⁴³, — вспоминал Радек. — Я уговаривал их ехать в Россию, что Энвер-паша позже и сделал»*. (Талаат-пашу 15 марта 1921 года убил в Берлине армянин.)

Далее Радек пишет: «Без всяких предварительных переговоров пришел Ратенау». Вальтер Ратенау⁴⁴, председатель правления германской Всеобщей электрической компании, впоследствии — министр иностранных дел Германской республики, писатель и мыслитель, уже при первом свидании, по словам Радека, проявил свои «основные качества: большой абстрактный ум, отсутствие всякой интуиции и болезненную самовлюбленность. Заложив ногу на ногу, он попросил разрешения развить свой взгляд на мировое положение. Он говорил больше часа, вслушиваясь в звук своего голоса». Радек, любивший поговорить, не терпел других говорунов. «Вопрос состоит в том, — развивал свои мысли Ратенау, — сумеете ли вы создать новый строй. Советская Россия не будет побеждена. Весь мир стоит на перепутье. Возвращения к старому капиталистическому строю нет. Пойдет ломка социальных отношений, но рабочая масса умеет сама только разрушать, созидательная работа это дело мозга; только возглавленный аристократией духа рабочий класс сумеет создать новое общество. Это не будет общество равенства, ибо равенство невозможно... Маркс дал только теорию разрушения. В моих работах вы получите теорию конструктивного социализма.

«Увидев улыбку на моем лице, — пишет Радек, — он стал разглагольствовать дальше:

— В Германии на долгие годы победа революции невозможна. Германский рабочий — филистер. Вероятно, через несколько лет я к вам приеду в качестве техника, и вы, советские вельможи, будете меня по старому знакомству принимать в Кремле, ходя в шелковых платях.

---

* О приключениях Энвера в России см.: *Л. Фишер*. Советы в мировой политике. (Англ. изд.) Т. 1. С. 382–390.

— Почему в шелковых? — спросил я его.

— Потому что, после многих лет аскетизма нелегальных революционеров, вы захотите, победив, насладиться жизнью».

Пришел к заключенному и Максимилиан Гарден⁴⁵, радикальный журналист, Радек буржуазной Германии. «Социально он представлял смесь Карлейля с Ницше»⁴⁶, — позже отзывался о нем Радек. Сила Гардена как публициста заключалась в том, что он выступал против правительства кайзеровской Германии. Самому Радеку изменило перо, когда он продал его Сталину.

Барон Георг Ф. В. Б. фон Рейбниц тоже навестил камеру в Моабите. «Рейбниц, коллега Людендорфа по кадетскому корпусу... был первым представителем породы, получившей название «национал-большевиков», с которыми мне пришлось иметь дело». Когда германское правительство выпустило Радека из тюрьмы, он не смог вернуться в Россию из-за дела о заложниках и трудностей, связанных с транзитом, и поселился на квартире у Рейбница. Там он прожил 8 недель. К Рейбницу приходил полковник Вальтер Бауэр, правая рука Людендорфа, по словам Радека, давший ему понять, что они, т.е. германские офицеры, «понимают, что мы непобедимы и что мы союзники Германии в борьбе с Антантой». Побывал на квартире у Рейбница и адмирал Пауль фон Гинце⁴⁷, секретарь по иностранным делам в правительстве кайзера и верный соратник Людендорфа. «Он, — как вспоминает Радек, — стоял за сделку с Советской Россией».

Радека посадили в тюрьму как международного революционера. Игнорируя эту сторону его личности, посетители Радека нашли в нем представителя национальной державы, потенциального партнера. Это была встреча правых с левыми, тех правых, которые впоследствии уничтожили демократическую Веймарскую республику, с теми левыми, которые ненавидели буржуазную демократию. Несмотря на многочисленные расхождения, левые и правые нашли общий язык, а позже выступали сообща на выборах в борьбе против республики. Радек и приехал в Германию, чтобы поднять революцию. Он остался в Германии как внешне-

политический представитель Советской России. Рапалльский договор 1922 года⁴⁸ и узы сотрудничества между советским правительством и германской армией впервые обозначились в тюремной камере Радека и в гостиной помощника Людендорфа.

Радек уехал из Германии убежденный в том, что «революция, даже в европейском масштабе, будет очень продолжительным процессом». Эту мысль и четыре чемодана политической и экономической литературы (а также «работы Эйнштейна, неизвестные тогда в России») он привез с собою в Москву.

Изгнанный из СССР Троцкий назвал историю германского рабочего движения после 1914 года «самой трагической главой современной истории». Это было субъективное суждение. Глава эта была трагической для него и для Ленина. Для последнего разгром германской революции был роковым разочарованием. В трансформации миссии Радека уже заключалось зерно трансформации всей советской системы. Большевизм был предоставлен самому себе, был вынужден воевать сам за себя и постепенно стал сливаться с матушкой Россией.

42

*Третий Интернационал*⁴⁹

С прошлым бесполезно спорить. И все-таки нельзя не прийти к мысли, что, будь у большевиков другое руководство, они могли бы создать единый фронт с меньшевиками и эсерами и до революции и после нее, обеспечив себе, таким образом, более широкую поддержку и избежав необходимости прибегать к массовому террору.

Ленин перенес принцип монополии одной коммунистической партии и на международное коммунистическое движение, с весьма печальными результатами — и не только для коммунистов. Этот принцип впервые был утвержден на Третьем конгрессе Коминтерна⁵⁰, заседавшем в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 года и посвятившем много внимания «итальянскому вопросу».

На почве экономической депрессии и разочарования Италии в результатах мировой войны начал развиваться фашизм. В городах Италии происходили стычки между чернорубашечниками, коммунистами и фашистами. Здравый смысл говорил, что всем антифашистским силам необходимо объединиться. Но Москва решила иначе.

Москва правила Коминтерном. Первый конгресс его, в марте-апреле 1919 года, был почти чисто русским предприятием: присутствовало очень мало представителей иностранных коммунистических партий. Второй конгресс собирался в Петрограде⁵¹ и в Москве, с 19 июля по 6 августа 1920 года. Благодаря блокаде и интервенции, многие делегаты от недавно образовавшихся коммунистических партий и старых, полуккоммунистических, социалистических партий не смогли прибыть на конгресс. Во всяком случае, Меккой коммунистического движения стала Москва, и Москва управляла всеми конгрессами Коминтерна. Москва — значит, Ленин. Ленин составил 19 тезисов о задачах Коминтерна*, превратившиеся позже в знаменитое «21 условие приема в Коминтерн».

И тезисы и все прочее, что предлагали русские, было «принято единогласно», но вождь настоящей, а не фиктивной западной партии, вождь радикально настроенной Итальянской социалистической партии Г. Серрати⁵² воздержался от голосования, считая, что тезисы «не вполне соответствуют запросам революции на Западе»**. Кроме того, в частных беседах итальянцы советовали поставить еще одно, 22-е, условие членства в Коминтерне, а именно, исключение из коммунистических партий всех масонов. Ленин и Троцкий отнеслись к этой идее с пренебрежением. Некоторые итальянцы объясняли это тем, что кремлевские вожди сами тайно принадлежали к ордену вольных каменщиков. Другие, рассуждавшие более трезво, думали, что Ленин просто не понимает всего значения этого вопроса на Западе.

---

* Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 25. С. 321–325.

** Там же.

21 условие Ленина требовало, чтобы партии, вступающие в Коминтерн, исключили из своих рядов «ревизионистов», «оппортунистов», «лакеев буржуазии» и представителей тому подобных весьма туманно и ненаучно описанных социальных вероисповеданий и стали отрядами профессиональных бойцов, готовых к мировой революции. Ленин утверждал, что последствия мировой войны, приведшей к большевистской резолюции, остаются решающим фактором в общественно-политической жизни Европы. Ленин все еще видел перед собой призрак красной Европы, а между тем она уже одевалась в черное. Впрочем, во время Второго конгресса Коминтерна Красная Армия еще прощупывала штыком Польшу в надежде на мировую революцию.

Хотя к III конгрессу, т.е. к июню 1921 года, иллюзий на этот счет в Кремле больше не было, разногласия с итальянцами и, в некоторой степени, с немцами продолжали оживлять течение конгресса. Между конгрессами Вторым и Третьим Коминтерн зарегистрировал два триумфа. Первым из них был так называемый «Съезд народов Востока»⁵³, созданный в сентябре 1920 года в Баку. Чичерин как-то назвал этот съезд «перстом, указующим на Азию». Председательствовали на съезде Зиновьев⁵⁴, Радек и Бела Кун. Как видно, предполагалось, что необрезанные председатели имели бы меньше общего с по большей части мусульманским собранием (1891 делегат представлял на съезде 37 национальностей Азии). Перед революцией Ленин как-то подсчитал, что империалистические державы с населением в четверть миллиарда управляют колониями с населением в два с половиной миллиарда. Об этом Зиновьев и говорил на съезде, обращаясь к «народам Востока» с призывом от имени Коминтерна: «Братья! Мы зовем вас на священную войну с английским империализмом».

Итак, вечером 1 сентября 1920 года Г. Зиновьев провозгласил «Священную войну» — газават. Присутствующие в зале, выхватывая кинжалы, сабли и револьверы, поклялись на оружии в верности газавату. Была создана постоянная

организация народов Востока, планировались новые съезды, но первый съезд остался последним*.

Второй победой Зиновьева в течение этого года было его неожиданное, беспрецедентное появление в Халле, где он в течение четырех часов выступал перед членами Независимой социалистической партии Германии⁵⁵ и убедил значительную часть делегатов оставить свою партию и перейти к коммунистам.

«Раскол» был лозунгом Третьего конгресса Коминтерна. Немцы выступили с поразительной жалобой: «Мы ни одной секунды не упускаем из виду, в какое затруднительное положение попала русская Советская власть, благодаря задержке в ходе мировой революции. Но мы «в то же время предвидим опасность, заключающуюся в том, что из этих затруднений может вырасти действительное или мнимое противоречие между интересами революционного мирового пролетариата и временными интересами Советской России»**. Прошло много десятилетий, пока иностранные коммунисты осмелились снова мягко намекнуть на то, что Кремль хочет запрячь мировой коммунизм в упряжку русского национализма. На Первом конгрессе Коминтерна, в 1919 году, русских большевиков представляли Ленин, Троцкий, Бухарин и Чичерин — нарком иностранных дел***. В «Правде» появился, помнится, «Дружеский шарж» карикатуриста Дени, изображающий смущение Чичерина при виде Зиновьева, мечущего молний и призывающего к мировой революции. Появился он в тот период, когда советское правительство, креатура Российской коммунистической партии, пыталось в дипломатических нотах отграничить себя от Коминтерна, другой креатуры той же партии. Но при рождении Коминтерна именно Чичерин олицетворял пуповину, соединявшую маменьку РКП и младенца Коминтерна. Всего

---

* *Fisher L.* The Soviets in World Affairs. New York, 1960. P. 205–206.

** *Ленин В. И.* Сочинения. 3-е изд. Т. 26.

*** *Trotsky L.* The First Five Years of the Communist International. New York, 1945. Vol. I. P. 18.

полемиического дара Чичерина было недостаточно, чтобы скрыть эту связь. Ибо сходство между мамашей и дитятей было поразительное, и обремененная заботами родительница не раз прибегала к услугам своего слабосильного, но исполнительного отпрыска. Новые коммунистические партии за рубежом нуждались в деньгах, в средствах и, главное, в престиже первого коммунистического государства. За все это они продались в рабство советским коммунистам и, в результате, утратили свое лицо и революционный дух и своей деятельностью способствовали в дальнейшем приходу фашизма к власти в Италии и в Германии. В своих отношениях к Коминтерну Москва представляла собой матриархат, практикующий детоубийство.

Итальянская партия особенно цеплялась за свою независимость. «Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? — говорил Ленин 28 июня на Третьем конгрессе. — Мы требуем как раз противоположного». Ленин знал, что, несмотря на их склонность к коммунизму, итальянские социалисты не хотели покориться Москве. Во время партийной конференции в Реджио Эмилия осенью 1920 года делегат Коминтерна был встречен саркастическими восклицаниями «Да здравствует папа!», а некоторые делегаты «выпустили в зале голубя, чтобы показать, что посол Зиновьева — всего лишь гонец, лишенный собственной воли»*.

Вежливо отдав должное принципу независимости товарищеских партий, Ленин сейчас же потребовал от итальянцев именно подражания России: «Тов. Лаццари сказал: «Мы находимся в подготовительном периоде», — цитировал Ленин слова сподвижника Серрати (имелся в виду период подготовки к революции и установлению диктатуры пролетариата в Италии). «Это сушая правда, — согласился Ленин. — Вы находитесь в подготовительном периоде. Первым этапом этого периода является разрыв с меньшевиками, подобный тому, какой мы сами совершили в 1903 году с нашими меньше-

---

* *Ypsilon*. Patterns for World Revolution. Chicago; New York, 1947. P. 54.

виками». Итальянские левые разделялись на социалистов, центристов и коммунистов. «Мы, в России, — утверждал Ленин в речи 1 июля, — имеем уже достаточный опыт борьбы против центристов. Еще 15 лет тому назад мы вели борьбу против наших оппортунистов и центристов, а также против меньшевиков, и мы одержали победу не только над меньшевиками, но и над полуанархистами».

«...В феврале 1917 года... мы составляли еще меньшинство по отношению к меньшевикам... Но мы — организованные и дисциплинированные марксисты... Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели. Мы — люди организации... Достаточно совсем маленькой партии, чтобы повести за собою массы. В известные моменты нет необходимости в больших организациях». Что же до меньшевиков, эсеров и анархистов «быть может, нас обвинят в том, что мы таких господ предпочитаем держать в тюрьме. Но иначе невозможно диктатура».

В своих трех речах на конгрессе Ленин осудил итальянских социалистов за занятие некоторых фабрик и заводов: эти захваты слишком смахивали на анархизм. На основании русского опыта он поучал итальянцев, как готовить коммунистическую революцию и пролетарскую диктатуру. Ни единым словом не упомянул он об опасности со стороны Муссолини. Бывший социалист, бывший редактор социалистической газеты «Аванти», Муссолини готовил своих чернорубашечников к захвату власти. Сменявшие одно другое итальянские правительства были слабы. Вместо того, чтобы призвать итальянских социалистов и коммунистов к единству перед лицом фашистской опасности, Ленин призвал их к расколу, к изоляции «оппортунистов» и присоединению к Коминтерну. Ни одна буква 21 тезиса не должна быть изменена, настаивал Ленин от имени делегации РКП. Турати, старого товарища Серрати, Ленин заклеил именем оппортуниста. Условием вступления итальянских социалистов в Коминтерн было исключение Турати⁵⁶.

Тезисы были приняты без изменений. Партия разделилась. Итальянские коммунисты чистой ленинской пробы присо-

единились к Коминтерну. Муссолини предпринял «поход на Рим» — в спальном вагоне, — и **пришел** к власти без боя. Тысячи итальянских социалистов и коммунистов попали в тюрьмы и в эмиграцию.

В основании этой безумной политики, которую большевики почти точно повторили во время прихода Гитлера к власти, лежала неистребимая привычка коммунистов предсказывать поражение врага и, таким образом, недооценивать его силы. От царской России советская Россия унаследовала чувство неполноценности, которое большевики превратили в миф о непобедимости. В день принятия Петром I титула «Отца отечества, Императора и Великого», 22 октября 1721 года, великий канцлер граф Головкин обратился к монарху с такими словами: «Вашего Царского Величества славные и мужественные воинские и политические дела, через которые токмо единые Вашими неусыпными трудами и руководством (культ личности!) мы ваши верные подданные из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены, и во общество политичных народов присовокуплены...»*. Русские всегда и стыдились своей страны, и гордились ею. Так стыдились, что скрывали ее за потемкинскими деревнями пропагандных преувеличений и чувствовали, что должны стремиться к равенству с «политичными народами», и так гордились, что считали ее способной показать пример Западу. С помощью Коминтерна Кремль надеялся и повести за собою Запад, и уничтожить капиталистического врага. Большевицкая революция не зажгла мировой революции. Одно время надеялись, что ее зажжет Италия, но Ленин в трезвые минуты понимал, что Италия не обладает ни продовольствием, ни топливом, чтобы выдержать испытания революции. Но приятие заграничными партиями самого принципа революции было Ленину совершенно необходимо, во-первых, как подтверждение правоты большевизма, во-вторых, как средство связать их судьбу с судьбой Коминтерна, Кремля, России, как средство предотвращения

---

* Голиков И. И. Деяния Петра Великого. 2-е изд. М., 1837. Т. 9. С. 6.

реформ, в которых нуждался развивающийся капитализм. Чем более отдаленной становилась перспектива мировой революции, тем громче раздавались пророчества, тем полнее было подчинение иностранных коммунистов задачам советской внешней политики.

И июня 1921 года Ленин пишет председателю исполкома Коминтерна Зиновьеву: «Безусловно настаиваю, чтобы реферат дали ему» — Отто Куусинену⁵⁷, финну, позже принявшему советское подданство — «и только ему (т.е. не Бела Куну) непременно на этом конгрессе. Необходимо. Он знает и ДУМАЕТ (was sehr selten ist unter den Revolutionären⁵⁸)» — что очень редко среди революционеров, добавляет Ленин по-немецки*. С таким отношением к западным революционерам Ленин вряд ли мог много ожидать от Коминтерна, которому суждена была роль скрипучего пятого колеса под российской телегой.

Незадачливый Бела Кун заслужил такое отношение со стороны Ленина тем, что не сумел удержать власти в Венгрии. Разгром революции объясняли тем, что Кун сотрудничал с социал-демократами, — страшный грех с точки зрения Москвы. Тем не менее, Кун был советским агентом в Германии во время неудачного коммунистического мятежа в марте 1921 года. Мятеж был обречен на неудачу заранее, надежды, которые возлагала на него Москва, увяли в одну ночь. Среди германских коммунистов! советовавших не предпринимать восстания, был Пауль Леви. Раздраженный Леви заявил, что отстраняется от руководства партией и напишет брошюру, в которой разоблачит преступную авантюру тех, кто организовал восстание. В ответ на письмо Клары Цеткин и Леви Ленин написал 16 апреля 1921 года сравнительно дружелюбное письмо, адресованное обоим**. Он снимал с себя ответственность за восстание: «Что касается недавнего стачечного движения и выступлений в Германии, то об этом я абсолютно ничего не читал. Я охотно верю тому, что представитель

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 259–260.

** Там же. С. 220–223.

Исполнительного комитета» — имеется в виду Бела Кун — «защищал глупую тактику, слишком левую — немедленно выступить, «чтобы помочь русским»: этот представитель очень часто бывает слишком левым». Что же касается позиции и брошюры Леви, — «Почему не подождать? Первого июня здесь конгресс. Почему не обсудить приватно здесь, перед конгрессом? Без публичной полемики, без выхода, без брошюр о разногласиях. У нас так мало испытанных сил...»

Но Леви уже невозможно было умиротворить. Он выпустил свою брошюру и ушел из руководства. Из партии его исключили.

При жизни Ленина и вплоть до своего конца, наступившего в 1943 году, Коминтерн оставался верен лозунгу «Чтобы помочь русским», но деятельность его больше помогала реакции, чем России.

43

Советская внешняя политика

Ленин отвергал социологию, потому что она занималась индивидуальными случаями, а не классовыми закономерностями, и в свое время ругал народников за то, что они связывали социологию с «теоретически бессодержательными» доводами о роли личности в истории. Но когда члены коммунистической партии заболели, не выдержав крутых поворотов советского курса, он рекомендовал «внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшими психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им... подходящую к их психологическим особенностям работу». Проект ленинского постановления о психотерапии был принят на заседании Политбюро 26 октября 1920 года*. Когда политическое положение позволяло,

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 137–138.

Ленин пытался хозяйственно относиться к человеческим ресурсам режима. Уничтожая карьеры многих, он принимал меры, чтобы спасти некоторых.

Как руководителю гигантского предприятия, Ленину приходилось маневрировать. Летом 1920 года он послал Красную Армию в поход против Польши. Но с завоеванием других частей бывшей царской империи он советовал не торопиться. 27 ноября 1920 года Политбюро приняло составленное Лениным постановление: «Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, т.е. направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны». Грузией тогда правили ненавистные меньшевики, опиравшиеся на ненавистных англичан. Армянские националисты создали антикоммунистическое правительство в Ереване. Но Ленин предписал: «Не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию». С призывами к такому походу выступали в Москве грузинские и армянские коммунисты. В Азербайджане Ленин советовал проводить «архиосторожную» политику (Красная Армия взяла Баку еще 27 апреля 1920 года). «Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспморем... выудить отовсюду максимальное количество мусульман-коммунистов для работы в Азербайджане»*.

В сентябре Зиновьев призывал к священной войне в Средней Азии, в ноябре Ленин советовал вести себя осторожно: государственные деятели не обязаны быть последовательны.

Но условия способствовали кое-каким успехам большевиков на востоке и на западе. Британскую интервенцию в Советской России объясняли по-разному. Черчилль хотел свергнуть советы. Бывший вице-король Индии, британский иностранный секретарь лорд Керзон⁵⁹ продолжал традиционную политику сдерживания «русского медведя» и сохранения британского влияния в Средней Азии. Советская революция позволила Англии распространить это влияние

---

* Там же. С. 144.

на Азербайджан и Грузию (позже англичанам осталась одна Грузия, так как советы овладели Баку).

Однако Англии надо было залечивать раны, нанесенные войной. На Керзона оказывали сильное политическое давление, от него требовали эвакуации британских войск из Грузии и Батума. В Англии происходили забастовки, на Парижской мирной конференции господствовало смятение, волнения охватили Индию, Ирландию и Египет. Ллойд Джордж решил сократить всемирные обязательства Британии. В 1919 году начальник генерального штаба сэр Генри Вильсон согласился эвакуировать Сибирь и Северную Россию, но решил «укрепить британские позиции на линии Батум-Баку-Красноводск-Мерв»*. Это была линия Керзона, одна из многих его линий. Со временем и эту линию пришлось сократить. Ллойд Джордж убеждал Италию прийти на смену англичанам в Грузии. Казалось, Рим готов был согласиться. Но этот план вызвал разногласия и способствовал падению кабинета Орландо. «Когда я принял руководство правительством в июне 1919 года, — пишет Франческо Нитти⁶⁰, — готовилась итальянская военная экспедиция в Грузию. Малочисленные английские войска уходили оттуда. С согласия союзников и, отчасти, по собственному желанию, Италия готовилась к большой военной экспедиции... Грузия — страна с необычайными естественными ресурсами», — необычайное преувеличение! — «и считалось, что она сможет предоставить Италии ряд сырьевых материалов, которых у Италии не было». Нитти наложил вето на эту экспедицию**.

2 сентября 1919 года вопрос был поставлен на обсуждение в британском кабинете. Керзон считал, что в Грузии надо оставить одну бригаду английских войск. Мильнер разделял его мнение, но Бонар Лоу, сэр Эдвард Монтэгю⁶¹, Остин Чемберлен и сэр Генри Вильсон были против***.

---

* *Callwell C. E. Field-Marshal Sir Henry Wilson Vol. II. P. 188.*

** *Nitti Francesco S Peaceless Europe. London, 1922. P. 147.*

*** *Callwell C. E. Op. cit. Vol. II. P. 219.*

Британский гарнизон покинул Батум 7 июля 1920 года, и город перешел к меньшевистской Грузинской республике.

Лишенная военной поддержки англичан, Грузия стала бы легкой добычей для большевиков, если бы Красная Армия не была занята поляками и Врангелем. В начале 1921 года руки у большевиков освободились. Троцкий требовал присоединения Грузии. Его поддерживали Сталин и Орджоникидзе⁶², в которых горячая грузинская кровь и большевистская агрессивность сочетались самым удачным образом. Красная Армия вторглась в Грузию, и в феврале 1921 года меньшевистское правительство было свергнуто большевиками.

События в маленькой Грузии отражали общее положение: эра западной интервенции в Советской России приближалась к концу. Красин⁶³ вел в Лондоне переговоры о торговле, долгах и кредитах. В Риге Иоффе прилагал усилия, чтобы заключить постоянный мирный договор с Польшей.

Иоффе был недоволен. ЦК каждый раз перебрасывал его с одного поста на другой. Он был устал и раздражен. Он пожаловался Ленину на ЦК в письме от 15 марта 1921 года, в котором явно отождествлял ЦК с Лениным лично. Ленин ответил 17 марта*: «Во-1-х. Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека, это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления». Ленин привел пример, когда «старый Цека», в который входил и сам Иоффе, «побил» его «по одному из гигантски важных вопросов». «Зачем же так нервничать, что писать *СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНУЮ, СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНУЮ* фразу, будто Цека, это я. Это переутомление.

Во-2-х. Ни тени ни недовольства Вами, ни недоверия к Вам у меня нет. *Нет и у цекистов*, насколько я их знаю, говорил с ними, видел их отношение к Вам.

Как же объяснить дело? Тем, что Вас *бросала судьба*. Я это видел на многих работниках... И Вас, как и довольно

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 208–209.

многих первейших работников, бросала судьба. Вы из первых и лучших дипломатов... Хладнокровно подумав, Вы увидите, что это правда.

Невыбор во Всецик? Спросите хоть Троцкого, сколько раз колебались принципиальные мнения и решения Цека об этом! Много раз! «Демократизм» *заставлял* обновлять максимально...

Мое *личное* мнение, вполне откровенно: 1) отдохнуть Вам надо серьезно... Обдумайте, не лучше ли за границей, в санатории. У нас плохо...

Отдохните. Приезжайте потом в Москву. Поговорим... Ваш Ленин».

С такими проблемами сталкивался не один верховный руководитель. Не были застрахованы от них и большевистское вожди.

Захват Грузии и то смягчение международной обстановки, которое этот захват отражал, дали Москве большую маневренность во внешней политике. Обозревая положение в середине 1921 года Ленин мог отметить «известное равновесие сил... между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. Но, конечно, равновесие лишь в ограниченном смысле... в отношении военной борьбы... равновесие, — разумеется, весьма неустойчивое». Передышка могла в любой момент прерваться, предупреждал Ленин, выступая с докладом о тактике РКП перед Третьим конгрессом Коминтерна. Усиление Красной Армии остается по-прежнему непосредственной задачей, говорил он. «В отношении же нашей практической политики, тот факт, что в международном положении наступило некоторое равновесие, имеет известное значение, но только в том смысле, что мы должны признать, что революционное движение, правда, подвинулось вперед, но что развитие международной революции не пошло так прямолинейно, как мы этого ожидали. Когда мы начинали, в свое время... мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу

в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции, и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям... Еще до революции, а также и после нее, мы думали: или сейчас же, или, по крайней мере, очень быстро, наступит революция в остальных странах, в капиталистически более развитых, или, в противном случае, мы должны погибнуть». Эту мысль Ленин три раза повторил почти дословно на протяжении трех минут.

Затем Ленин посоветовал делегатам-коминтерновцам обратить внимание на «полтора или два миллиона... русских эмигрантов, которые рассеялись по всем заграничным странам». «В России нет ни одной деревни, где бы народ, где бы угнетенные не подверглись встряске. Несмотря на это, если мы хладнокровно оценим организованность и политическую ясность взглядов живущей за границей русской контрреволюционной эмиграции, мы убедимся, что классовое сознание буржуазии все еще выше классового сознания эксплуатируемых и угнетенных».

Ленин был пессимистически настроен.

Он не жалел темных красок: «Но кроме этого класса эксплуататоров, почти во всех капиталистических странах, — может быть, за исключением Англии, — существует класс мелких производителей и мелких земледельцев. Главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух последних классов... Крупных землевладельцев и капиталистов... мы могли просто экспроприировать и прогнать, — что мы и сделали... Но... в большинстве капиталистических стран эти классы (т.е. мелкие производители и земледельцы) представляют очень сильное меньшинство, приблизительно от 30 до 45% населения. Если мы присоединим к ним мелкобуржуазный элемент рабочего класса, то выйдет даже больше 50%. Их нельзя экспроприировать или прогнать...»

Неужели Ленин подвергал ревизии свою концепцию революции, намекая на то, что перспективы ее сужаются из-за роста средних классов и мелкобуржуазной прослойки в рабочем классе? Именно такой вывод Ленин подсказывает в следующем предложении: «Теоретически все марксисты

хорошо и легко разрешали этот вопрос; но теория и практика — две вещи разные, и разрешать этот вопрос практически или теоретически совсем не одно и то же. Мы определенно знаем, что делали большие ошибки... Во всяком случае, опыт, который мы проделываем, будет полезен для грядущих пролетарских революций, и они сумеют технически лучше подготовиться к разрешению этого вопроса». Как этот вопрос будет решен, Ленин указывать не стал.

Ленин довольно долго говорил об экономических трудностях Советов, о политических изменениях, и сослался на критику русской диктатуры со стороны западных социалистов. «По какому принципу должны мы действовать? — спросил он. — По принципу справедливости или большинства? Нет. Мы должны действовать практично. Мы должны произвести распределение (лишений) таким образом, чтобы сохранить власть пролетариата. Это является нашим единственным принципом».

От этого Ленин перешел к вопросу о концессиях. «Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем, что концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму. Но мы выигрываем время», чтобы провести электрификацию. «В германском плену крестьянин увидел и узнал, в чем реальная основа жизни, культурной жизни. 12 тысяч киловатт — очень скромное начало». Развитие тяжелой индустрии — единственный путь к сельскохозяйственному изобилию. Советская пропаганда воспринималась крестьянами очень легко. «Это является доказательством того, что широкие массы — как и в наиболее передовых странах — гораздо легче учатся на собственном опыте, чем из книг». В дни Кронштадтского восстания: «Брожение в крестьянстве шло очень сильное, среди рабочих также господствовало недовольство. Они были утомлены и изнурены. Ведь существуют же границы для человеческих сил. Три года они голодали, но нельзя голодать четыре или пять лет». Меньшевики и эсеры попытались нажать на этом положении политический капитал. Их лозунг был: «Советы без большевиков». «Мы должны продолжать беспощадную

борьбу против этих элементов, — заявил Ленин. — Диктатура есть состояние обостренной войны. Мы находимся именно в таком состоянии... И мы говорим: «На войне мы поступаем по-военному: мы не обещаем никакой свободы и никакой демократии...» Вот, — сказал он в заключение, — то, что я хотел сказать товарищам о нашей тактике, о тактике Российской Коммунистической Партии»*.

Усталость, начало болезни, отсрочка мировой революции — все это обострило восприятия Ленина, он яснее увидел действительность, и решил дать Коминтерну урок превосходства практики над теорией. Он хотел, чтобы они поняли вопросы, стоявшие перед Россией, и ее отклонения от того курса, которого революционеры-догматики могли бы ожидать от революционной страны. Он знал, что в будущем коминтерновцам придется оправдывать и защищать множество отвратительных поступков Советского Союза во внутренних и международных делах. Он объяснял им, что управление государством требует жестокости и что никакие доктрины в этом отношении не помогут.

Согласно первоначальной идее III Интернационала, он должен был служить московской электростанцией, которая снабжала бы током сеть европейского и мирового коммунистического движения. От искры Коминтерна должна была загореться мировая революция. Но скоро большевики поняли, что Россия осталась одна. Призрак революции, витавший над обоими полушариями, рассеялся. От первоначальной идеи Коминтерна остались только литургия и ритуал. Но энтузиазм коммунистов искал себе выхода. Он вылился в создание мощных политических организаций. Советское правительство считало, что обладает полезными агентами. Но очень часто иностранные компартии были для Советов стеснительным обстоятельством: их повсюду обвиняли в подрывной деятельности. С другой стороны, Кремль служил помехой иностранным партиям: за преданность отдаленной стране, действия которой они восхваляли

---

* Ленин В. И. Сочинения. 2-е изд. Т. 26. С. 450–465.

до небес, иностранных коммунистов называли орудием Москвы, пассивным инструментом, политическими глупцами. Но они нуждались в материальной и моральной поддержке Москвы, а Москва нуждалась в них, чтобы не утратить старой, обманчивой мечты о мировой революции, а также для того, чтобы создать за границей разведывательную сеть. Коминтерн позволял советскому правительству чувствовать себя проводником мессианской идеи, освящавшей самые гнусные преступления. Поэтому, несмотря на все неудобства и стеснения, о разводе между советским государством и Коминтерном не могло быть и речи. Они были несчастливы вдвоем, но жить врозь не могли. Впоследствии на смену Коминтерну пришла империя.

После 5 июля Ленин больше не выступал перед Коминтерном, но 11 июля он выступил с речью на совещании членов немецкой, польской, чехословацкой, венгерской и итальянской делегаций Третьего конгресса. К этой речи он подготовился хорошо, составив подробный план (12 пунктов), итоги (4 пункта), а потом еще один план — краткий (7 пунктов). Все эти материалы и стенограмма речи не предавались оглашению до 1959 года.

Мартовский мятеж в Германии в 1921 году оказался комическим фиаско с трагическими результатами. Брошюра Леви «Наш Путь. Против путчизма», разоблачившая эту дурацкую авантюру, была очень болезненным ударом для Кремля. Ленин, втайне понимая правоту Леви, хотел избежать повторения преждевременных переворотов, не обескуражив в то же время европейских коммунистов окончательно.

Три сообщения, сказал Ленин, подают надежду на скорое «генеральное наступление»: забастовка берлинских муниципальных рабочих, забастовка текстильных рабочих в Лилле и — «третий факт является наиболее важным: в Риме происходил митинг для организации борьбы против фашистов, в котором участвовало 50 000 рабочих — представителей всех партий — коммунистов, социалистов, а также республиканцев. На него пришли 5000 участников войны в военной форме... Это доказывает, что в Европе имеется

горючего материала больше, чем мы думали... Европа беременна революцией...»

«...но составить заранее календарь революции невозможно. Мы в России выдержим не только пять лет, но и больше», — т.е. дело не к спеху. «Не бояться сказать, что мы все вернулись из Москвы (после Третьего конгресса Коммунистического Интернационала) осторожнее, умнее, благоразумнее, «правее». Это *стратегически правильно*. Чем правее сейчас, тем вернее завтра: *il faut reculer, pour mieux sauter*⁶⁴. «Über Nacht» möglich, aber auch 2–3 Jahre möglich⁶⁵. Не нервничать... Наша единственная стратегия теперь — это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, «оппортунистичнее», и это мы должны сказать массам. Но после того, как мы завоюем массы благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления...»

Итог: «Не нервничать, не бояться “опоздать”... Можно “тормозить” насчет “акции” в тот или иной момент, **НО НЕПРИМИРИМЫМ** надо быть в *революционной* пропаганде*».

Какие именно мысли породила речь Ленина в смущенных умах делегатов? Ясно было одно: он приказывал «отступать», чтобы когда-нибудь, в неопределенном будущем, «лучше прыгнуть». Покамест Ленин советовал научиться оппортунизму. В будущем этот оппортунизм дал Коминтерну возможность одобрить все зигзаги советской внешней политики.

Выступая перед коминтерновцами в июле 1921 года, Ленин, конечно, не мог иметь в виду событие, происшедшее в январе 1923 года, но он, очевидно, предвидел именно такие события. А. А. Иоффе, советский дипломатический «застрельщик» сначала в Германии, а потом в Риге, в 1922 году был послан в Китай. В январе 1923 года, в Шанхае, он встретился с китайским президентом д-ром Сун Ят-сеном. Их совместное коммюнике было выпущено 26 января. Д-р Сун заявлял во всеуслышание, что советская система в Китае введена не будет, «ибо тут не существует условий для успешного установления коммунизма или социализма. Г-н Иоффе

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 278–284.

совершенно согласен с этим взглядом»*. Иоффе, разумеется, действовал с одобрения Кремля, т. е., как следует предполагать, с одобрения Ленина.

Декларация Сун Ят-сена — Иоффе была чистой правдой, хоть Москва и стеснялась ее впоследствии. Коммунистическая революция в Китае была бы преждевременной. Но вопросом о правде в международной политике мало кто озабочен. Иоффе сказал правду, чтобы облегчить установление нормальных отношений с китайским правительством. Революционное первородство было продано за чечевичную похлебку дипломатии; впоследствии Кремль поддерживал Сун Ят-сена и Чан Кай-ши, в первую очередь, с тем, чтобы приостановить проникновение Японии в Китай и укрепить советское влияние в Китае (за счет западного влияния). Там, где была возможность установить Советскую власть безнаказанно, не боясь репрессий со стороны сильных держав, Ленин так и поступал. В конце 1921 года части Красной Армии вступили в изолированную и беззащитную Внешнюю Монголию, отколовшуюся от Китая. Был подписан договор с монгольскими марионетками, и в Монголии была установлена Советская власть. Не собиралась Москва отдавать Китаю и Китайскую военную железную дорогу (КВЖД), построенную в Маньчжурии царским правительством. Эта политика империализма со стороны Кремля, сочетавшаяся с большой умеренностью в деле помощи китайской резолюции, посеяла семена раздора между красной Россией и красным Китаем.

Как автор известной книги об империализме, Ленин представлялся всему свету непреклонным антиимпериалистом. Но, хотя антиимпериализм и самоопределение — две стороны одной и той же медали, Кремль всегда умел интерпрети-

---

* Опубликовано в бюллетене советского полпредства в Пекине за 1–15 февраля 1923 г., с которым я ознакомился в архивах Наркоминдела в Москве. Следует отметить, что этот документ не фигурирует в «Документах внешней политики СССР». Т. 6. 20 ноября 1922–21 декабря 1923. М., 1962. Коммюнике цитируется в моей книге «Советы в мировой политике».

ровать принцип самоопределения на территории бывшей Российской империи таким образом, что никакого самоопределения не оставалось, а оставалась ничем не прикрытая аннексия, как в случае, например, меньшевистской Грузии. Ранние антиимпериалистические настроения Советов объяснялись, таким образом, частью идеологической, а частью практической необходимостью: слабая страна не может позволить себе роскоши империализма, если ей противостоят сильные державы. Эту слабость Ленин превратил в силу. Он драматическим жестом отказался от империалистических притязаний царизма. В то же время он проявлял живейший интерес к территориям, некогда входившим в состав царской империи.

Чичерин писал: «Первые три месяца его существования были тем периодом революционного политического наступления, когда советское правительство свободно бросало трудящимся массам всего мира свои революционные лозунги... Этому первому периоду опьяняющих побед не суждено было продолжаться» *. Пришла Брест-Литовская мирная конференция, германское наступление на восточном фронте, поражение Германии в мировой войне. Немедленно были предприняты действия по отношению к Эстонии, Латвии и Литве. Как только пало правительство кайзера, в этих бывших владениях Российской империи была провозглашена Советская власть. Советское правительство Эстонии провозгласило свой приход к власти в манифесте, помеченном 29 ноября 1918 года, без указания места: «Твердо и неизбежно растет всемирная революция!» **. 17 декабря 1918 года (место на манифесте не указано), «именем мировой революции», объявило о своем существовании советское правительство Латвии ***. За день до того с очень похожим манифестом (место написания не обозначено) выступило «Временное

---

* Чичерин Г. Два года внешней политики // Известия, 6–13 ноября 1919 г.

** Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 587–588.

*** Там же. С. 616–618.

Революционное Рабочее Правительство Литвы»*. 24 декабря 1918 года советское правительство России объявило о своей готовности «оказать всю необходимую помощь и поддержку балтийским советам»**, а I съезд Советов Литвы, собравшийся в необозначенном месте между 17 и 21 февраля 1919 года, постановил произвести «слияние» Литвы с советской Белоруссией и «немедленно же вступить в переговоры с Рабоче-Крестьянскими Правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстляндии на предмет создания из всех этих республик одной Федеративной Социалистической Советской Республики»***. Но у РСФСР руки были еще коротки, обстоятельства не благоприятствовали, и получилось так, что в Балтийских странах взяли верх несветские правительства и независимость этих стран Москва вынуждена была признать. Москве приходилось терпеть существование независимых Балтийских государств до самой их аннексии в 1940 году по условиям советско-германского пакта о ненападении.

Трудно сказать, вызывалась ли неудачная попытка советизации Балтийских государств в 1918–1919 гг. побуждениями националистического или интернационалистического характера. Тот факт, что Сталин аннексировал Балтийские страны при первой к тому возможности, не представляет собой достаточно убедительного свидетельства в пользу предположения об империалистических притязаниях Москвы в 1918 году. Хаос, последовавший за поражением Германии в 1918 году, предоставил советскому правительству возможность, которой оно давно ожидало и о которой не переставало говорить. Ленин в те опьяняющие дни наверняка думал, что революционный прорыв в Европу начался. Объективно говоря, политику Ленина в Прибалтике в 1918–1919 году можно истолковать и так и этак — и как попытку революционной экспансии, и как стремление овладеть всей территорией Российской империи.

---

* Там же. С. 612–616.

** Там же. С. 627–628.

*** Там же. Т. 2. С. 76–77.

В Центральной Азии, в районе исторического соперничества между британским львом и русским медведем, советская политика, прикрывавшаяся антиимпериалистической и революционной фразеологией, осталась направленной против Англии. Чичерин, исполнитель воли Ленина, а иногда и ментор его в области международной политики, был настроен очень анти-британски. В частных разговорах он не раз предсказывал конец Британской империи. Доминионы Англии, говорил он в 20-х годах, — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, — покинут ее на произвол судьбы, и она станет крошечной второстепенной державой. Он надеялся, что Россия внесет свой вклад в уничтожение Англии, подорвав британское владычество в областях, лежащих меж Британской Индией и советскими территориями в Средней Азии и на Кавказе, главным же образом, — в Афганистане и в Персии.

В феврале 1919 года «пал от руки неизвестного злодея» эмир Хабибулла, король Афганистана. Ему наследовал его третий сын, Аманулла-хан⁶⁶, коронованный 21 февраля. Во время войны Аманулла симпатизировал антианглийскому и пронемецкому младоафганистанскому движению, за что и был приговорен своим отцом к смерти. Скрывшись, принц избежал казни и дождался смерти эмира Хабибулла.

7 апреля 1919 года король Аманулла обратился с посланием к «Его Величеству Президенту Великого Российского государства», т.е. к бывшему Тверской губернии крестьянину М. И. Калинину, извещая его о своем вступлении на престол и в весьма лестной и витиеватой форме предлагая установить дипломатические отношения. («Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира...»)

В ответном послании от 27 мая «друзья человечества» Калинин и Ленин поздравили нового монарха и многозначи-

тельно прибавили: «Стремление афганского народа последовать русскому примеру да будет лучшей гарантией крепости и независимости Афганского государства... Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников» — читай, Англии, — «на чужую свободу и чужое достояние»*.

14 октября 1919 года, в 7 часов вечера, Ленин принял афганского посла, встретив его следующими словами: «Я очень рад видеть в красной столице Рабоче-Крестьянского правительства представителя дружественного нам афганского народа, который страдает и борется против империалистического ига». На это посол ответил: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку»**. В цветистых выражениях афганцев и в советских антиимпериалистических лозунгах слышались отзвуки все того же старого англо-русского соперничества.

18 августа 1907 года по старому стилю царское правительство, еще не совсем оправившееся от поражения, нанесенного ему Японией, подписало Англо-Русскую конвенцию, согласно которой Афганистан оставался вне русской сферы влияния, то есть, по крайней мере в принципе, в британской сфере. Обе договаривающиеся страны провозгласили принцип невмешательства по отношению к Тибету. Персию зато они разделили между собою. Север стал русской сферой влияния, юг — английской, а промежуточная зона — ничьей.

14 января 1918 года наркоминдел Троцкий сообщил посланнику Персии, что Советская Россия считает англо-русское соглашение 1907 года «раз и навсегда расторгнутым». Тегеран официально подтвердил получение ноты Троцкого. В Персии стояли английские войска***.

---

* Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 174–175.

** Там же. С. 261–262.

*** Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 90–93.

Уход Советов из Персии создал военно-политический вакуум. Персия, по словам официального биографа лорда Керзона, «оказалась со всех сторон окруженной британскими пикетами»*. Из Персии английские войска шли на Кавказ и в русский Туркестан. Но с поражением Деникина на суше и на Каспийском-море большевики продвинулись до персидского порта Энзели (ныне Пехлеви). Англичане отступили. Позже части Красной Армии, принимавшие приказы от грузинских коммунистов, в частности, от Сталина, закрепились на севере Персии и основали так называемую Гилянскую советскую республику, которую Ленин и Чичерин впоследствии отдали на слом, утверждая, что лишенная пролетариата Персия еще не созрела для коммунистической революции.

Военный министр Риза-хан Пехлеви, позже провозгласивший себя шахом и основавший новую, Пехлевиюскую династию, произвел 21 февраля 1921 года государственный переворот и сформировал новый кабинет, который немедленно расторг англо-персидское соглашение от августа 1919 года. 26 февраля был подписан договор между РСФСР и Персией. Советское правительство по договору отказывалось от всех конвенций и соглашений, «заключенных бывшим правительством России с третьими державами во вред Персии и относительно ее». Однако в статье 6-й договора предусматривалось, что, если со стороны третьих стран будет иметь место вооруженное вмешательство в Персии с целью поставить под угрозу границы РСФСР или ее союзников и «если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры»**. Это значило:

---

* The Earl of Ronaldshay. The Life of Lord Curzon. London, 1928. Vol. III. P. 212.

** Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 536–544.

если британская армия вернется в Персию, большевистские войска тоже придут.

Риза не был ни революционером, ни реформистом. Он принадлежал к типу правителей, и он понимал, что, чтобы править, он должен избавить Персию от господства двух иностранных держав. Аманулла воображал себя Петром Великим Средней Азии. Он мечтал о модернизации Афганистана, хотел снять с женщин чадру и ограничить власть мусульманского духовенства. Но он был слаб, а его реформы — преждевременны, и консервативные силы свергли его с престола и отправили в хорошо оплаченное и удобное изгнание в Италию. Совсем другим человеком был Кемаль-паша Ататюрк⁶⁷ — правитель, революционный преобразователь, сильная личность, диктатор, обладавший колоссальной энергией, профессиональный солдат и политический целиТЕЛЬ. В 1853 году Николай Первый⁶⁸ назвал Турцию большим человеком Европы. В этом прозвище было много правды, хоть оно и отражает имперские притязания своего автора. Турция стала терять свою мощь, а потому и свои владения еще до мировой войны. Поражение в мировой войне оставило Турции одну только Анатолию. Кемаль-паша, одержавший во время войны несколько побед над англичанами, на свежем воздухе Анатолии, среди песка и скал ветреного плато начал лечить своего больного. Он перенес столицу из азиатского Константинополя (Стамбула), расположенного на европейской стороне Босфора, в новый европейский город Анкару, построенный в Азии. Он изгнал султана, отменил халифат и превратил Турцию в секулярное государство. Чадра, гарем и изоляция женщин были запрещены, латинский алфавит заменил курсивный арабский шрифт, столь способствовавший неграмотности. Муэдзины по приказу Кемалья стали призывать правоверных в мечеть уже не на арабском языке, а на турецком. Феску Кемаль запретил, заменив ее западным головным убором. Самая популярная фотография Ататюрка, воспроизводимая и на турецких банкнотах, изображает его во фраке и в белом галстуке, — нельзя представить себе ничего более отдаленного от традиционной карикатуры

на Турцию в виде человека в феске с кисточкой, шароварах и восточных туфлях с загнутыми носами.

Кемаль сочетал в себе Париж и Анатолию, джентльмена и Тамерлана⁶⁹. Он предавался то порывам творческого труда, в который вкладывал свой энтузиазм пророка и преобразователя, то длительным оргиям, во время которых он целые дни проводил, играя в карты, пьянствуя и развратничая. Кемаль на коне въехал в сердце своего народа, сохранившего достаточно первобытных черт, чтобы преклоняться перед его грубой, выносливой мужественностью. С одинаковой легкостью Кемаль разбивал головы и прецеденты. Наделенный чертами героя, Кемаль возвратил своему народу чувство эпического. Бедная, маленькая, отсталая Турция почувствовала себя омоложенной.

Кемаль предпочитал свой собственный революционный национализм, свою однопартийную систему ленинским. Он запретил коммунистическую деятельность и преследовал подозреваемых в коммунизме. Но антикоммунизм Кемалья не препятствовал военному, экономическому и политическому сотрудничеству между Турцией и Советской Россией. Борьба с западным влиянием была в интересах обеих стран.

С 1677 по 1917 год Россия и Турция воевали между собою 13 раз. Вырос миф о неискоренимой вражде. Неискоренимой вражды не существует. Народы слишком практичны, чтобы руководствоваться историей. Пока у России и Турции были территориальные притязания друг к другу, они враждовали. Когда обе потеряли свои империи и от слабости утратили аппетит к захватам, они стали друзьями.

26 апреля 1920 года Кемаль обратился к советскому правительству с посланием, в котором подчеркивал готовность Турции «участвовать в борьбе против иностранного империализма, угрожающего обеим странам», и предлагал военный и политический союз»*. Чичерин ответил холодно, предлагая нормальные дипломатические отношения. Кемаль настаивал на своем. В ноте Чичерину от 29 ноября 1920 года Кемаль

---

* Фишер Л. Указ. соч. С. 286.

говорит о «нашем тесном союзе» и о «трудящихся массах мира», которые, с помощью «порабощенных народов Азии и Африки», положат конец «власти буржуазии» и «международного капитала». Кемаль явно хотел чего-то от Москвы. Но Москва была занята Врангелем, Грузией, экономическими вопросами. А Кемаль становился все настойчивее. 16 ноября 1920 года турецкий министр иностранных дел Бекир Семи приехал в Москву просить о военной помощи. Греческие войска при поддержке Англии вторглись в Анатолию.

«Больше не секрет, — сказал мне Карахан⁷⁰, когда я работал над книгой о советской внешней политике, — что мы оказали Кемалю большую помощь, как вооружением и военными инструкторами, так и деньгами». Лев Карахан, заместитель наркома по иностранным делам, красивый, проницательный армянин, с большим удовольствием передавал мне эту засекреченную информацию. От него я получил и переписку между Чан Кайши⁷¹ и Сун Ят-сеном, с одной стороны, и Чичериным, с другой. В личных делах Карахан был человек очень независимый, и, когда он делился секретами, это, как видно, было проявлением чувства личной независимости. За эту независимость он поплатился жизнью: расстрелян 19 декабря 1937 года, не сознавшись в преступлениях, которых не совершал.

Первым советским полпредом в кемалистской Турции был бывший армейский офицер и член Реввоенсовета республики С. И. Аралов⁷². Прежде чем Аралов уехал из Москвы, Чичерин привел его к Ленину.

«Так, батенька, кончили воевать, дипломатом стали, хорошо, — приветствовал его Ленин. — Перековали меч на орало. Нужное, хорошее дело. Садитесь, пожалуйста...»

Ленин перешел к турецким делам: «Конечно, Мустафа Кемаль-паша — не социалист, но, по-видимому, хороший организатор, талантливый полководец, ведет буржуазно-национальную революцию, прогрессивно настроенный человек, умный государственный деятель. Понял значение нашей социалистической революции и относится положительно к Советской России. Он ведет освободительную

войну с захватчиками... Говорят, народ ему верит. Надо ему помочь, то есть помочь турецкому народу. Вот ваша работа. Уважайте турецкое правительство, народ, не кичитесь. Не вмешивайтесь в их дела. Англия натравила на них греков... Вам предстоит серьезная работа... Помочь материально Турции мы сможем, хотя и сами бедны. А нужно... Турецкий народ будет чувствовать, что он не одинок».

«Царская Россия столетия воевала с Турцией, — продолжал Ленин, — это наложило, конечно, большой отпечаток в памяти народа... Вы знаете, недоверие проходит медленно. Нужна поэтому большая, терпеливая, осторожная, внимательная работа; нужно умело доказать, объяснить не словами, а делами разницу между старой царской Россией и Россией советской. Это наша задача, и вы, как посол, обязаны быть проводником советской политики невмешательства в их дела, быть поборником искренней дружбы наших народов. Турция — крестьянская, мелкобуржуазная страна. Промышленности мало, и та, что есть, — в руках европейских капиталистов. Рабочих немного. Это надо иметь в виду». Иными словами, пролетарская революция невозможна.

Москва поможет кемалистской Турции, сказал Ленин Аралову. «Какая помощь будет, сообщим; вероятнее всего, поможем оружием, понадобится — дадим и другую».

«Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь заборами, крепостными стенами от трудящихся, как это делали послы самодержавного царя... Вы едете с детьми? Это отлично, детей научите турецкому языку, да и самому необходимо подучиться. Это очень важно»*.

Так Ленин напутствовал своего посла.

Россия помогла Турции. (Помогла ей и Франция.) Но перед тем, как Турции была оказана советская помощь, инцидент чуть не испортил советско-турецкие отношения. В феврале 1921 года, когда большевики овладевали Грузией, Кемаль отправил свои войска на Батум. И марта турки взяли го-

---

* Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата М., 1960. С 34–37.

род. В Батуме тогда кончался единственный нефтепровод России, шедший из Баку. Помимо экономического значения Батумского порта, город имел и политическое значение: грузинские националисты не простили бы большевикам утраты одного из важнейших городов Грузии. Подошедшие части красных были готовы открыть военные действия. Пять дней между советским и турецким командирами шли переговоры. Наконец, Кемаль уступил Батум, а Москва признала переход к Турции Карса и Ардагана.

Ленин знал, что советская внешняя политика тесно связана с внутренней. Приходилось считаться с Грузией и с такими грузинами, которые, как Сталин, ненавидели кемалистскую Турцию. К переговорам между Москвой и Анкарой пришлось привлечь советскую Армению и Азербайджан. Это не уменьшало их зависимости от Кремля, но помогало создать за рубежом, особенно в Азии, впечатление, будто бывшие колонии царизма обрели государственные права. 31 марта 1921 года Ленин одобрил предложение Чичерина о необходимости «соблюдать тактичность при проведении антирелигиозной пропаганды» в областях с мусульманским населением. Ленину было известно о сепаратистских тенденциях среди националистов Украины, Кавказа и Туркестана. Недовольство в этих областях могло вызвать беспорядки и потребовать репрессий. Об этом узнали бы за границей, и репутация Советской России среди зависимых народов была бы испорчена. События в Туркестане послужили хорошим примером в этом отношении.

Когда профсоюзный вождь М. П. Томский⁷³ не поддержал политики Ленина по вопросу о профсоюзах, Ленин сослал Томского в Туркестан, назначил его председателем Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. Там у Томского возникли политические разногласия с членом Туркбюро ЦК РКП(б) Г. И. Сафаровым. Основным пунктом разногласий был вопрос об осуществлении в Туркестане новой экономической политики. Томский настаивал на ее введении, Сафаров же утверждал, что в условиях Туркестана нэп невозможен и надо сохранить военный коммунизм.

Томский написал об этом Ленину. Ленин ответил 7 августа 1921 года: «Конечно, Вы правы, что «9 млн баранов» нам (Москве) *необходимы*. Во что бы то ни стало их взять! И тотчас прислать нам в СТО календарную программу их получения...»

«Для попытки уладить Ваши разногласия с т. Сафаровым посылаем т. Иоффе» — ликвидировать неприятности, как всегда, было поручено Иоффе.

Далее Ленин развивал свой план: «Я думаю, *можно и должно* сочетать обе тенденции. 1) хлеб и мясо Москве в 1-ую голову, 2) ряд уступок (для этого) и премий «купцам», 3) безусловно *новая экономическая политика*... 4) непременно мусульманские *комбеды* и 5) внимательное, осторожное, с рядом уступок отношение к *мусульманской бедноте*»

«Можно и должно сочетать и закрепить линию мудрую, осторожную, соблюдающую интересы нашей «мировой политики» на *всем Востоке*»*.

Слова «мировая политика» Ленин поставил в кавычки, как бы посмеиваясь над своей напыщенностью. Но уже в следующем письме он эти кавычки снял.

Иоффе, приехав в Туркестан, быстро понял, в чем суть затруднений. 9 ноября он известил Политбюро, что разногласия между Томским и Сафаровым приходят к «разжиганию вражды между русскими и местным населением и между отдельными национальностями».

Сафаров отбирал имущество, скот и инвентарь у так называемых кулаков и делил его между беднотой, т.е. проводил ту же политику классово-борьбы, которая привела к таким катастрофическим результатам в Средней России. Мусульманские жертвы сафаровских беснований во всем винили русских чиновников, своих традиционных притеснителей. Томский, со своей стороны, настаивал на отмене мероприятий военного коммунизма. Но среди кулаков и купцов, которым нэп сулил выгоды, как видно, было много русских, и мусульманская беднота, которую эти русские, наверное, притесняли, не хотела нэпа! Методы Сафарова вызывали

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 305–306.

ненависть к русским, как и методы Томского. Кроме того, Иоффе ясно говорил, что придется выбирать между Томским и Сафаровым. Нэп оказался несовместимым с комбедами и уступками мусульманской бедноте, вопреки ожиданиям Ленина.

В Москве, как сообщил Ленин Иоффе 13 сентября 1921 года, были «некоторые разногласия по этому вопросу внутри ЦК». «Очень важно информироваться точнее, — писал Ленин. — Я лично очень подозреваю «линию Томского»... в великорусском шовинизме или правильнее в уклоне «в эту сторону».

«Для всей нашей Weltpolitik» — мировой политики — «дьявольски важно *завоевать* доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *доказать*, что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону не потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным.

С к. пр. Ленин»*.

В конце концов именно Сафаров, а не заподозренный Лениным в великорусском шовинизме Томский, был отозван из Туркестана и назначен консультантом по восточным вопросам в Коминтерне. Материалы о его деятельности рассматривались в ЦКК (Центральной контрольной комиссии). В связи с этим расследованием Сафаров подал заявление в ЦК партии о том, что устраняется от всякой ответственной работы. Ленин ответил ему: «Не нервничайте, это недопустимо и позорно, не барышня 14 лет». Сафарову Ленин доверительно писал, что считает начатое против него дело «вздорным», а между тем отправлял в Туркестан для расследований такого важного большевика, как Г. Я. Сокольников**.

Доказать, что большевики не империалисты, выиграть туземцев Туркестана было для Ленина вопросом мирового

---

* Ленинский сборник. Т. 36. С. 320–321.

** Там же. С. 381–382.

значения. Успех в Туркестане вызвал бы отклики в Индии и на всем Востоке. Ленин смотрел на вещи в глобальном масштабе. Туркестан и Кавказ могли стать либо мостами, либо барьерами, Керзон и Черчилль не знали, какое значение Ленин придавал Туркестану. Но они считали его красным воплощением Романовых, комиссаром, севшим на царский трон, царем без короны, зато с очень опасными идеями. Вот как медведь разошелся, думали они. Сомнительно, чтобы Ленин, несмотря на все свои иллюзии о неизбежности мировой революции, разделял их оценку возможностей русской экспансии в Азии. К 1921 году он уже знал, что идеи можно распространять либо мечом, либо деньгами.

Кроме того, для Ленина существовали две Англии: одна, которую он хотел бы унизить в Азии, другая, за которой, как за мировым банкиром, купцом и производителем, он изо всех сил ухаживал в Лондоне. Было, по крайней мере, два Ленина, две души, мирно уживавшиеся в одной груди и верные лишь одному принципу: Советская власть должна уцелеть во что бы то ни стало. Ради этого России надо было торговать с капиталистами, а цитаделью капитализма была Англия, которая тоже нуждалась в торговле, чтобы просуществовать. Но кое-кто в Англии считал, что империя важнее торговли. Ленинизм в Азии и красная пропаганда дома казались опаснее денежного убытка. Но были и такие, которые считали, что коммунистическая опасность не так уж страшна и что ее можно и вовсе свести на нет с помощью нормальных торговых отношений. Большие британские компании надеялись возобновить эксплуатацию предприятий принадлежавших им в России до революции, они просили концессий. Кремль отвечал самым обнадеживающим образом. Некоторые английские деловые люди считали, что торговые отношения должны зависеть от того, признает ли РСФСР за собою долги царской России. То ли в ответ на давление со стороны этих кредиторов, то ли чтобы избежать дальнейших разногласий в уже и без того распадающейся Антанте, Ллойд Джордж запросил Париж об отношении Франции к англо-русскому торговому соглашению. Министр иностранных дел Аристид

Бриан⁷⁴ ответил 25 ноября 1920 года очень оригинальной нотой*. Французское правительство, говорилось в ней, «не возражает против восстановления торговых сношений между частными лицами». Но поскольку государственная внешнеторговая монополия воспрещает частным лицам в Советской России заниматься торговлей за границей, Бриан говорил, по сути дела, что он возражает против торговли с Советской Россией. Кроме того, он поставил уже знакомое условие: Россия должна заплатить довоенные и военные долги. Однако, относясь с подозрением к платежеспособности большевиков и к их готовности платить старые долги, французы предложили создать особую организацию, которой было бы поручено исполнение платежей по задолженности. «Платеж должен проводиться таким образом, чтобы это способствовало использованию естественных ресурсов страны». Бриан мечтал о превращении Советской России в экономическую колонию Запада.

Большевикам не пришлось отвергнуть план Бриана. Его отвергли англичане, заявившие 24 июня 1921 года, что возобновление торговли с Россией и признание ею своих долгов должны рассматриваться как отдельные вопросы.

16 марта 1921 года был подписан торговый договор между РСФСР и Великобританией. Обе стороны считали, что за этим договором последует мирный договор и возобновление дипломатических отношений. Лед тронулся, блокада была сломлена, началась торговля с большевиками. Теперь между Россией и внешним миром действительно установилось, как говорил Ленин, «известное равновесие сил».

---

* Correspondence between His Majesty's Government and the French Government respecting the Anglo-Russian Trade Agreement. British White Paper. Russia, № 2 (1921). Cmd. 1456. London, 1921.